

страшную смѣсь противорѣчій, упрямства, дерзкой самонадѣянности и самаго униженнаго смиренія? Но мой бранный разумъ не въ силахъ постичь великихъ опредѣленій Всевышняго“ ¹⁾. Изъ этого признанія видно, что Гоголь еще въ ранней юности своей „часто“ задумывался надъ внутреннимъ строемъ своей души, различалъ въ ней стороны хорошія отъ дурныхъ, видимо отдавая предпочтеніе первымъ предъ послѣдними. Это самоизученіе не могло остаться безъ результатовъ и дало ему возможность позднѣе дать болѣе опредѣленный отчетъ о себѣ какъ нравственной личности. „Во мнѣ, писалъ онъ въ 1843 г., не было какова-нибудь одного слишкомъ сильнаго порока, который бы высунулся виднѣе всѣхъ моихъ прочихъ пороковъ, все равно, какъ не было также никакой картинной добродѣтели, которая могла бы придать мнѣ какую-нибудь картинную наружность; но зато, вмѣсто того, во мнѣ заключилось собраніе всѣхъ возможныхъ гадостей, каждой понемногу, и притомъ въ такомъ множествѣ, въ какомъ я еще не встрѣчалъ доселѣ ни въ одномъ чловѣкѣ. Богъ далъ мнѣ многостороннюю природу. Онъ поселилъ мнѣ также въ душу, даже *отъ рожденія* моего, нѣсколько хорошихъ свойствъ; но лучшее изъ нихъ, за которое не умѣю какъ возблагодарить Бога, было *желаніе быть лучшимъ*. Я не любилъ никогда моихъ *дурныхъ качествъ*, и если бы небесная любовь Божія не распорядилась такъ, чтобы они открывались передо мною постепенно и понемногу, на мѣсто того, чтобы открылись вдругъ и разомъ передъ моими глазами, въ то время, какъ я не имѣлъ еще никакого понятія о всей неизмѣримости Его безконечнаго милосердія,—я бы повѣсилъ“. Далѣе Гоголь знакомитъ насъ съ своеобразными пріемами, при помощи которыхъ онъ, движимый „желаніемъ быть лучшимъ“, боролся съ своими внутренними „гадостями“. „По мѣрѣ того, говоритъ онъ, какъ онѣ стали открываться, чуднымъ высшимъ внушеніемъ усиливалось во мнѣ жела-

¹⁾ Письма, I, 131.

ніе избавляться отъ нихъ...; я сталъ надѣлять своихъ героевъ, сверхъ ихъ собственныхъ гадостей, моею собственною дрянью. Вотъ какъ это дѣлалось: взявши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ званіи и на другомъ поприщѣ, старался себѣ изобразить его въ видѣ смертельнаго врага, нанесшаго мнѣ самое чувствительное оскорбленіе, преслѣдовалъ его злобою, насмѣшкою и всѣмъ, чѣмъ ни попало. Если бы кто видѣлъ тѣ чудовища, которыя выходили изъ подъ пера моего вначалѣ для меня самаго, онъ бы, точно, содрогнулся. Довольно сказать... только то, что когда я началъ читать Пушкину первыя главы изъ „Мертвыхъ Душъ“, въ томъ видѣ, какъ онѣ были прежде, то Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи,... началъ по немногу становиться все сумрачнѣе, сумрачнѣе, а наконецъ сдѣлался совершенно мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: „Боже, какъ грустна наша Россія!“ Меня это изумило. Пушкинъ, который такъ зналъ Россію, не замѣтилъ, что все это каррикатура и моя собственная выдумка!“ ¹⁾).

Хотя нѣкоторые изъ людей, хорошо знавшихъ Гоголя, категорически утверждали, что большая часть пороковъ и слабостей героевъ его литературныхъ произведеній дѣйствительно были его собственными пороками и слабостями ²⁾, мы однакоже думаемъ, что при правильномъ пониманіи характера нравственной личности Гоголя, эта мысль можетъ быть принята съ значительнымъ ограниченіемъ. Дѣло въ томъ, что, когда рѣчь идетъ о такого рода людяхъ какъ Гоголь, необходимо отчетливо различать вибраціи теоретической мысли и случайную игру воображенія, часто совершенно не переходящія въ актъ воли, отъ настоящаго

¹⁾ Сочин. Гоголя, изд. Тихонравова (10-ое), т. IV, стр. 87—88 (3-е письмо по поводу „Мертвыхъ Душъ“).

²⁾ Это, напримѣръ, рѣшительно утверждаетъ Арнольди: „Мое знакомство съ Гоголемъ“ (Р. Вѣстникъ, 1862 г.), кн. 1. Съ нимъ, по видимому, вполне согласенъ О. Ѳ. Миллеръ: „Николай Васильевичъ Гоголь“ (Русск. Старина, 1875 г., т. XIV, стр. 681—682).

движенія воли, этой активнѣйшей силы души, въ проявленіи которой по преимуществу выражается характеръ нравственной личности человѣка. По отношенію къ натурамъ цѣльнымъ, непосредственнымъ, такое разграниченіе этихъ двухъ сторонъ челоѣческой души конечно не должно имѣть мѣста, ибо у нихъ между направленіемъ мысли и направленіемъ воли и чувства въ большинствѣ случаевъ существуетъ полная гармонія: отъ того, какъ эти люди думаютъ, безъ опасенія впасть въ большую ошибку, можно заключать къ тому, какъ эти люди будутъ дѣйствовать. Но нельзя этого сказать о людяхъ, страдающихъ внутреннею раздвоенностью. При большой подвижности мысли, при свободномъ полетѣ фантазіи, въ сознаніи человѣка, подъ воздѣйствіемъ какихъ-нибудь скрытыхъ, можетъ быть чисто физиологическихъ импульсовъ, можетъ появиться мысль, которая окажется въ полномъ противорѣчіи съ господствующимъ направленіемъ его душевнаго строя и которую онъ не только никогда не рѣшится привести въ исполненіе, но которая иной разъ можетъ заставить его внутренне покраснѣть за самого себя. Судить по такого рода мыслямъ о достоинствѣ нравственной личности человѣка было бы конечно грубою ошибкой: нельзя человѣка обвинять въ томъ, отъ чего онъ совершенно искренно отрекаться обѣими руками. А между тѣмъ такая мысль, разъ явившись въ сознаніи, взятая подъ покровительство художественной фантазіи, можетъ вырасти до яснаго и опредѣленнаго образа и подъ перомъ художника стать живымъ лицомъ. Но отождествлять созданный при такихъ условіяхъ литературный типъ съ создавшимъ его авторомъ—это значитъ не понимать самыхъ элементарныхъ условій художественнаго творчества.

Что сказано объ отдѣльныхъ мысляхъ, то слѣдуетъ сказать и объ отдѣльныхъ чувствахъ, спорадически возникающихъ изъ глубины души и овладѣвающихъ нерѣдко всѣмъ ея составомъ, придавая ему свою особую окраску. Конечно моралистъ-психологъ, при оцѣнкѣ нравственной личности человѣка, не можетъ со-

вершенно безразлично относиться къ такимъ хотя бы и временнымъ движеніямъ души; но свой окончательный судъ онъ произнесетъ не раньше, какъ справившись съ тѣмъ, какъ къ этимъ движеніямъ относится самъ человѣкъ, какъ разумно-нравственная личность, какъ сознающее и волящее „я“, стремящееся сообразовать свои дѣйствія съ извѣстнымъ нравственнымъ закономъ, признаваемымъ обязательною нормою жизни. Кому неизвѣстно, какую тяжкою борьбою вообще сопровождается прогрессивный ростъ всякой нравственной личности; а между тѣмъ извѣстно, что, чѣмъ природа человѣка сложнѣе, чѣмъ намѣченный имъ идеалъ возвышеннѣе, тѣмъ борьба труднѣе, упорнѣе, мучительнѣе. Кто, на примѣръ, усумнится въ высотѣ нравственной личности апостола Павла? А между тѣмъ вспомните, какъ онъ, въ посланіи къ Римлянамъ (гл. VII), жалуется на одолевашую его грѣховность и на свое безсиліе въ борьбѣ съ нею. Знаю, пишетъ онъ, „что не живеть во мнѣ, то есть, въ плоти моей доброе, потому что желаніе добра есть во мнѣ, но, чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю... Но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ. Бѣдный я человѣкъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?“ (ст. 18—19, 23—24). Не тоже-ли мы слышимъ въ признаніи Гоголя, который, находя въ себѣ „собраніе всѣхъ возможныхъ гадостей понемногу“, свидѣтельствуешь, что онъ *никогда не любилъ своихъ дурныхъ качествъ* и что, напротивъ, въ немъ всегда „было желаніе быть лучшимъ?“

Нравственное развитіе Гоголя совершалось подъ воздѣйствіемъ религіознаго чувства. Наклонность къ религіозности принадлежала къ числу тѣхъ „нѣсколькихъ хорошихъ свойствъ“, которыя, по сознанію самого Гоголя, Богъ вложилъ въ его душу „уже отъ рожденія“ его и которыя въ его родѣ были, повидимому, наслѣдственными. Теперь можно считать доказаннымъ, что

по мужской линіи Гоголь происходитъ изъ духовнаго званія; его прадѣдъ и прапрадѣдъ были священниками ¹⁾ а сохранившееся письмо его прадѣда по женской линіи, Сем. Сем. Лизогуба, по своему тону и содержанію поразительно напоминаетъ письма самаго Гоголя послѣднихъ лѣтъ его жизни ²⁾. Но особенно сильное вліяніе на Николая Васильевича имѣла его мать, женщина кроткая, сердечная и глубоко-религіозная, приложившая много старанія къ религіозному воспитанію сына. Въ раннемъ дѣтствѣ, когда сознательное отношеніе къ вопросамъ вѣры бываетъ невозможно, система воспитанія направлена была къ тому, чтобы доставить ребенку какъ можно больше соотвѣствующихъ цѣли воспитанія внѣшнихъ впечатлѣній ³⁾. О началѣ пробужденія сознанія и болѣе или менѣе осмысленнаго отношенія къ предметамъ вѣры самъ Гоголь вспоминаетъ слѣдующее. Одинъ разъ, говоритъ онъ въ письмѣ къ матери, „я просилъ васъ рассказать мнѣ о страшномъ судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно рассказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшныхъ, что это *потрясло и разбудило*

¹⁾ Имѣемъ въ виду докладъ, сдѣланный А. М. Лазаревскимъ въ Историч. Общ. Нестора-лѣтописца.

²⁾ Съ содержаніемъ этого письма недавно познакомилъ членовъ Истор. Общ. Н.-лѣт. въ своемъ докладѣ В. А. Чаговецъ.

³⁾ Къ приемамъ этой системы, напримѣръ, къ хожденію ребенка въ церковь, позднѣе самъ Гоголь, а за нимъ и нѣкоторые позднѣйшіе изслѣдователи, относились скептически (Письма, I, 260). Полагая, что въ этомъ скепсисѣ скрывается большое недомысліе: впечатлѣнія дѣтства, хотя бы и мало сознанныя, глубоки и не отражены. Любопытно, что, резонируя на тему о томъ, что „родители рѣдко бываютъ хорошими воспитателями дѣтей своихъ“, и ссылаясь въ подтвержденіе этого на раннее пріученіе его къ исполненію религіозныхъ обрядовъ, въ томъ же письмѣ, не замѣчая противорѣчія, онъ пишетъ матери: „Знаете ли вы, какъ важны впечатлѣнія дѣтскихъ лѣтъ? то, что въ дѣтствѣ только хорошая привычка и наклонность, превратится въ зрѣлыхъ лѣтахъ въ добродѣтель“ (Письма, *ibid.*, 259—260).

во мнѣ всю чувствительность, это заронило и произвело впоследствии во мнѣ самыя высокія мысли“¹⁾. Гоголь не указываетъ намъ точно, когда именно это случилось; но позднѣе, вспоминая моментъ, съ котораго началось въ немъ то направленіе, которое ясно проявилось въ началѣ 40-хъ годовъ, онъ писалъ С. Т. Аксакову: „Съ 12-лѣтняго, можетъ быть, возраста я иду тою же дорогою, какъ и нынѣ (1844 г.), не шатаюсь, не колеблясь никогда во мнѣніяхъ главныхъ, не переходилъ изъ одного положенія въ другое и, если встрѣчалъ на дорогѣ что-нибудь сомнительное, не останавливался и не ломалъ голову, а махнувши рукой и сказавши: „объяснится потомъ“, шелъ далѣе своей дорогой...“²⁾.

Какъ бы то ни было, но рассказъ матери о загробной жизни, со страшнымъ описаніемъ вѣчныхъ мукъ грѣшниковъ, произвелъ на впечатлительную душу ребенка потрясающее дѣйствіе, оставилъ впечатлѣніе на всю жизнь и сыгралъ видную роль въ дѣлѣ постепеннаго усиленія въ немъ религіознаго чувства. Это, между прочимъ, видно изъ слѣдующихъ строкъ того же письма къ матери. Давая совѣтъ, какъ слѣдуетъ воспитывать младшую сестру Ольгу, онъ писалъ: „Говорите ей побольше о будущей жизни, опишите всѣми возможными и правящимися для дѣтей красками тѣ радости и наслажденія, которыя ожидаютъ праведныхъ, и какія ужасныя, жестокія муки ждутъ грѣшныхъ. Ради Бога, говорите ей почаще объ этомъ, при всякомъ ея поступкѣ, худомъ или хорошемъ. Вы увидите, какія благодѣтельныя это произведетъ слѣдствія. Нужно сильно потрясти дѣтскія чувства, и тогда они надолго сохранять все прекрасное. Я испыталъ это на себѣ“³⁾. Мы уже знаемъ, что это испыталъ Гоголь въ дѣтскіе годы подъ вліяніемъ страшнаго описанія матерью вѣчныхъ мукъ грѣшниковъ. Для правильнаго по-

¹⁾ Письма, I, 260.

²⁾ Ibid., II, 435.

³⁾ Ibid., I, 260.

ниманія религіознаго развитія Гоголя весьма важно опредѣлить слѣдующее: эти „ужасныя, жестокія муки“, запугивать которыми маленькую сестренку онъ умоляетъ мать,— чѣмъ были онѣ для него самого въ то время, когда писались эти строки, т. е. въ 1833 г.? Остались ли онѣ въ его сознаніи какъ воспоминаніе о когда-то пережитомъ подѣ вліяніемъ разказа матери впечатлѣніи, которое теперь утратило свой настоящій реальный смыслъ и получило лишь значеніе воспитательнаго средства для „благодѣтельнаго“ потрясенія дѣтскихъ чувствъ, или всѣ эти „жупелы“ были для него предметомъ непосредственной, живой, искренней, наивной вѣры? Правильное пониманіе этого вопроса, думается намъ, можетъ быть установлено при помощи слѣдующихъ строкъ *Предисловія* къ „Выбраннымъ мѣстамъ изъ переписки съ друзьями“. Здѣсь, между прочимъ, читаемъ: „Соотечественники! Страшно!.. Замираетъ отъ ужаса душа при одномъ только представленіи загробнаго величія и тѣхъ духовныхъ высшихъ твореній Бога, предъ которыми пыль все величіе его твореній, здѣсь нами зримыхъ и насъ изумляющихъ. Стонетъ весь умирающій составъ мой, чуя исполинскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣяли въ жизни, не прозрѣвая и не слыша, какія страшилища отъ нихъ подымутся“... Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что въ этихъ словахъ Гоголя проявилась живая, искренняя вѣра въ ученіе Христіанской Церкви о возмездіи въ загробной жизни,— вѣра, которая явилась плодомъ „исполинскаго возрастанія“ сѣмянъ, зароненныхъ когда-то въ дѣтскую душу матерью и выросшихъ теперь на почвѣ воспламененнаго воображенія въ исполинское дерево.

Картина страшнаго суда всегда производила на людей сильное впечатлѣніе, чѣмъ, какъ извѣстно, съ успѣхомъ пользовались и по сей день пользуются христіанскіе миссіонеры въ интересахъ обращенія язычниковъ. Не удивительно поэтому, что и дѣтское воображеніе Гоголя не освободилось отъ этого впечатлѣнія. Но здѣсь можетъ быть кстати будетъ вспомнить, что въ Малороссіи

ни одинъ изъ вопросовъ христіанскаго вѣроученія не получилъ такой детальной разработки на бытовой почвѣ, какъ вопросъ о страшномъ судѣ. Доказательство этого можно видѣть въ имѣющихся въ распоряженіи науки картинахъ съ этимъ сюжетомъ, представляющихъ богатый научный и художественный матеріалъ, не дождавшийся, къ сожалѣнію, своего Данта ¹⁾. Зная это, мы съ значительною вѣроятностью можемъ предполагать, что рассказъ матери Гоголя о страшномъ судѣ не былъ сухимъ пересказомъ катехизическаго ученія, а переданъ былъ въ той художественной формѣ, въ какую облекло его народное воображеніе; вотъ почему и на дѣтское воображеніе будущаго великаго художника онъ произвелъ такое неотразимое, такое потрясающее впечатлѣніе.

Затѣмъ, сохраненію и даже дальнѣйшему усиленію этого впечатлѣнія много способствовало своеобразное отношеніе Гоголя къ вопросамъ вѣры вообще. Раньше было замѣчено, что Гоголь не былъ великимъ мыслителемъ, что теоретическая сторона философско-богословскаго міровоззрѣнія почти совсѣмъ не интересовала его. Мы видѣли его сознаніе въ томъ, что „если (онъ) встрѣчалъ на дорогѣ что-нибудь *сомнительное*, (то) *не оставался и не ломалъ голову*“. Ясно, что философскій скепсисъ, который такъ часто, особенно въ юношескомъ возрастѣ, колеблетъ религіозную вѣру, почти совершенно незнакомъ былъ Гоголю. Въ этомъ случаѣ Гоголь поразительно напоминаетъ другаго нашего художественнаго писателя, графа А. Толстого. „Я, пишетъ послѣдній въ одномъ изъ писемъ къ матери, *вѣрю Богу, и у меня не высокое понятіе о разумѣ человѣческомъ*, и я не вѣрю тому, что онъ называетъ возможнымъ и не возможнымъ: я вѣрю больше тому, что я *чувствую*, чѣмъ тому, что я *понимаю*, такъ какъ Богъ намъ далъ чувства, чтобы идти дальше чѣмъ разумъ“. Можно было бы указать даже на

¹⁾ Такія картины имѣются, между прочимъ, въ Церковно-Археологическомъ Музеѣ при Кіевской Дух. Академіи.

возникновеніе у насъ попытки создать свою особую гносеологию, направленную противъ крайностей раціонализма и имѣющую цѣлью доказать, что въ дѣлѣ познанія религіозныхъ предметовъ доминирующее мѣсто принадлежитъ не логическому разсудку, а *върѣ*, понимаемой не въ смыслѣ простого довѣрія, а въ смыслѣ *полноты силъ духа*, въ смыслѣ *всецѣлаго разума*, въ которомъ ни одна сила духа не обособляется, а все онѣ вмѣстѣ дѣйствуютъ какъ одно общее *чутье*; но это „чутье“ не смѣшивается съ простымъ чувствомъ, а поэтому система эта столько же направлена противъ крайностей мистицизма, какъ и противъ крайностей раціонализма. Гоголь, какъ богословъ, несомнѣнно принадлежалъ къ фракціи нашихъ мыслителей этого именно направленія, хотя онѣ слѣдовалъ ему не столько въ силу какой-нибудь системы, сколько въ силу особаго склада своихъ природныхъ дарований: для него, какъ истиннаго художника, органомъ познанія былъ всецѣлый разумъ, т. е. способность больше непосредственно чувствующая и созерцающая, чѣмъ логически расчленяющая; онѣ схватывалъ истину сразу, цѣликомъ, въ актѣ непосредственнаго воспріятія, а не приходилъ къ ней путемъ логическаго размышленія. Логическая способность есть сила анализирующая, расчленяющая, разрушающая, и тамъ, гдѣ она беретъ перевѣсъ, она ведетъ сначала къ скепсису, а потомъ и къ полному невѣрію: нельзя вѣрить въ то, что разрушено, что перестало существовать какъ живой предметъ. У людей, надѣленныхъ отъ природы истинно художественнымъ талантомъ, логическая мысль рѣдко обособляется настолько, чтобы совершенно освободиться отъ воздѣйствія остальныхъ способностей души; потому-то художники всегда мыслятъ образами, и обнаженіе мысли отъ образа есть несомнѣнный признакъ слабости художественнаго творчества. Вотъ почему великому художнику трудно быть великимъ мыслителемъ; вотъ почему графъ Л. Н. Толстой, несомнѣнно великій художникъ, оказался такимъ сравнительно убогимъ мыслителемъ; вотъ почему отъ знаменитаго Гёте, каждый разъ, какъ только въ немъ нѣмецъ-метафизикъ

береть перевѣсъ надъ геніальнымъ поэтомъ, вѣетъ холодомъ и искусственнымъ риторизмомъ. Гоголь былъ истиннымъ художникомъ и остался имъ до конца, даже тогда, когда сила художественнаго творчества оставила его; не въ силахъ будучи творить, онъ все же постигалъ истину художественнымъ чутьемъ, а поэтому и въ своихъ письмахъ позднѣйшей эпохи, посвященныхъ далеко нехудожественнымъ вопросамъ, онъ остается художникомъ. Вспомнимъ хотя бы выше приведенныя строки изъ его письма къ сестрѣ Ольгѣ Васильевнѣ, гдѣ онъ говоритъ о томъ, какъ нужно любить Бога: люби его такъ, „чтобы образъ *Его стоялъ въ мысляхъ твоихъ неотлучно впереди всѣхъ*, впереди матери, впереди брата, впереди сестеръ, впереди всего на свѣтѣ“. Для истиннаго раціоналиста Богъ не есть живой образъ: для него Богъ есть прежде всего логическое понятіе, которое нужно проанализировать. Онъ есть научный тезисъ, который нужно рассмотреть и логически доказать или отвергнуть. Для Гоголя же Богъ есть живая сущность, которую онъ постигаетъ всѣми фибрами своего существа; а поэтому онъ поднимаетъ вопросъ не о томъ, какъ доказать бытіе Бога, а о томъ, какъ лучше войти съ нимъ въ общеніе, какъ съ живымъ реальнымъ лицомъ, и какъ сдѣлаться достойнымъ Его благодатнаго воздѣйствія на себя.

Какъ относился Гоголь къ вопросу о Богѣ, такъ относился онъ и къ другимъ вопросамъ вѣры, такъ относился онъ въ частности и къ вопросу о страшномъ судѣ. Этотъ судъ не даромъ называется „страшнымъ“. По ученію христіанской Церкви на этомъ судѣ подводятся итоги всей земной жизни, производится расчетъ съ прошлымъ, и окончательно, навсегда, т. е. на всю безконечную вѣчность, рѣшается вопросъ о будущемъ. Гоголь, какъ искренній и послѣдовательный христіанинъ, не могъ не понимать такого рѣшающаго и, такъ сказать, роковаго значенія этого вопроса въ жизни человѣка, и не удивительно поэтому, что у него „замирала отъ ужаса душа при одномъ только представленіи загробнаго величія и тѣхъ духовныхъ высшихъ твореній

Бога, предъ которыми пылъ все величіе Его твореній, здѣсь нами зримыхъ и насъ изумляющихъ“. Гоголя, какъ видно изъ этихъ словъ, пугала загробная жизнь не тѣми „жупелами“, которыми старыя бабушки запугиваютъ малыхъ ребятъ и которыми, повидимому, самъ онъ въ свое время совѣтовалъ матери запугивать маленькую сестренку. Нѣтъ: въ воспламененномъ воображеніи великаго художника рисуется грандіозная картина нравственнаго величія какъ Самого Бога, такъ и окружающаго Его сонма высшихъ разумныхъ тварей, въ сравненіи съ которыми самъ онъ чувствуетъ себя жалкимъ ничтожествомъ. Вотъ отъ чего *замираетъ отъ ужаса душа его*, вотъ отъ чего *стонетъ весь умирающій составъ* его, „чуя исполнскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣяли въ жизни, не прозрѣвая и не слыша, какія страшилища отъ нихъ подымутся“... Вспомнимъ, что Гоголь началомъ христіанской жизни признавалъ любовь, и мы поймемъ, о какихъ *страшилищахъ* здѣсь идетъ рѣчь: въ томъ высшемъ мірѣ, гдѣ любовь съ ея обаятельною красотою является уже не предписаніемъ закона, а осуществившимся фактомъ, низменные эгоистическія стремленія человѣческой личности, въ мыслящемъ образами воображеніи художника, представляются настоящими живыми страшилищами, отъ которыхъ онъ съ ужасомъ отвратился бы, но не въ силахъ или точнѣе сказать—не вправѣ это сдѣлать, ибо никто не можетъ поручиться за то, что и самъ онъ окажется въ числѣ этихъ страшилищъ. Вотъ при этой-то мысли ему и становится страшно, при этой мысли и стонетъ весь умирающій составъ его...

Обозрѣвая подъ этимъ угломъ зрѣнія всю свою жизнь, осмысливая прошлое и готовясь къ отчету въ будущемъ, Гоголь особенно смущался тѣмъ, что, какъ ему казалось, у него „такъ мало добрыхъ дѣлъ, а жизнь наша такъ быстро летитъ!“¹⁾. А между тѣмъ, если отъ кого, то именно отъ себя онъ считалъ

¹⁾ Письма, III, 138.

вправѣ требовать добрыхъ дѣлъ. „Я, писалъ онъ матери, получилъ много отъ Бога и долженъ бы быть лучше васъ всѣхъ, но ежедневно убѣждаюсь, что я хуже васъ всѣхъ“ ¹⁾. Ему иной разъ кажется, что душа его представляетъ цѣлую бездну себялюбія и гордости. „Вижу, писалъ онъ отцу Матвѣю, такъ много въ себѣ дурного, такую бездну *себялюбія* и неумѣнья пожертвовать земнымъ *небесному*! Прежде мнѣ казалось, что я уже возвысился душой, что я значительно сталъ лучше прежняго, въ минуты слезъ и умиленій, которыя я ощущалъ во время чтенія святыхъ книгъ. Мнѣ казалось, что я удостоивался уже милостей Божьихъ, что эти сладкія ощущенія есть уже свидѣтельство, что я сталъ *ближе къ небу*. Теперь только дивлюсь своей гордости, дивлюсь тому, какъ Богъ не поразилъ меня и не стеръ съ лица земли. О, другъ мой и самимъ Богомъ данный мнѣ исповѣдникъ! горю отъ стыда и не знаю, куда дѣться отъ незамѣтнаго множества неподозрѣваемыхъ во мнѣ прежде слабостей и пороковъ... Исписалъ бы вамъ страницы во свидѣтельство моего малодушія, суевѣрія, боязни. Мнѣ кажется даже, что во мнѣ и вѣры нѣтъ вовсе...“ ²⁾.

Это сомнѣніе Гоголя даже въ присутствіи въ немъ вѣры для даннаго момента (1848 г.) весьма характерно. Слѣдя за душевнымъ настроеніемъ его въ послѣдніе годы жизни, замѣчаешь, какъ въ немъ, вмѣстѣ съ упадкомъ физическихъ силъ, ослабѣваетъ сила воли, изсякаетъ начало всякой активности, утрачивается вѣра въ самого себя и въ свои дѣйствія, а вмѣсто этого развивается безусловное преклоненіе предъ силою Промысла Божія, въ которой онъ надѣется найти подкрѣпленіе своихъ падающихъ силъ. Такъ въ письмѣ къ матери 1848 года онъ пишетъ: „Все въ рукахъ Того, Кто располагаетъ судьбой нашей. Какъ Онъ повелитъ, такъ тому и быть. *Молитесь и больше ничего*“ ³⁾.

¹⁾ Письма, IV, 138.

²⁾ Ibid., 153—154.

³⁾ Ibid., 155.

При такомъ душевномъ настроеніи, конечно, ничего не оставалось дѣлать, какъ только молиться. Но къ ужасу своему Гоголь скоро сталъ замѣчать, что и способность молиться начинаетъ его оставлять. „То, о чемъ бы слѣдовало бы мнѣ думать всякій часъ и всякую минуту, писалъ онъ о. Матвѣю, такъ рѣдко бываетъ у меня въ мысляхъ, и это самое рѣдкое помышленіе о немъ такъ бываетъ холодно, такъ безъ любви и одушевленія, что въ иное время становится даже страшно. Иногда кажется, какъ бы отъ всей души молюсь, то есть, хочу молиться: но этой молитвы бываетъ одна, двѣ минуты. Далѣе мысли мои расхищаются, приходять въ голову незванные, непрощенные гости и уносятъ помышленія Богъ знаетъ куда, Богъ вѣсть въ какія мѣста, прежде чѣмъ успѣваю очнуться. Все какъ то дѣлается не во время: когда хочу думать объ одномъ, думается о другомъ; когда думаю о другомъ, думается о третьемъ...“ ¹⁾. Ясно, что мы имѣемъ дѣло съ настоящимъ неврастеникомъ. Но самъ Гоголь этого, повидимому, не сознавалъ и, стараясь отыскать объясненіе факта на нравственной почвѣ, приходилъ въ крайне удрученное состояніе. „Въ теперешнее время, продолжаетъ онъ въ томъ же письмѣ, когда отовсюду грозятъ бѣды человѣку, можетъ быть, только и нужно дѣлать, что молиться, обратить все существо свое въ слезы и молитву, позабыть себя и собственное спасеніе, и молиться о всѣхъ. *Все это чувствуется и ничего не дѣлается, и оттого еще страшнѣе вокругъ, и слышишь одну необходимость повторять:* „Господи, не введи меня въ искушеніе и избави отъ лукаваго!“ ²⁾. Усилившаяся болѣзнь повергала его иногда въ такое мучительное состояніе, что иной разъ приходилось напрягать всѣ силы души для перенесенія страданій. Проявлявшійся въ этихъ случаяхъ недостатокъ терпѣнія даетъ поводъ страдальцу разразиться противъ себя цѣлой бурей негодованія; „Какъ подлѣ и низокъ человѣкъ, особенно я! писалъ онъ Жуковскому. Столько примѣровъ уже ви-

¹⁾ Письма, IV, 229.

²⁾ Ibid.

дѣвши на себѣ, какъ все обращается во благо души, и при всемъ томъ нѣтъ силъ терпѣть благородно и великодушно! А Онъ такъ милостиво и такъ богато воздаетъ намъ за малѣйшую каплю терпѣнія и покорности! и среди самыхъ тяжкихъ болѣзненныхъ состояній Онъ наградила меня такими небесными минутами, передъ которыми ничто всякое горе“ ¹⁾).

Какъ бы разыскивая причины постигавшаго его нравственнаго изнеможенія, Гоголь углубляется внутрь себя и, находя, что „въ душѣ и сердцѣ человѣческомъ столько есть неуволнимыхъ отбѣнковъ и излучинъ, что всякій день могутъ случиться открытія и открытія“ ²⁾), съ особымъ увлеченіемъ отдается самоанализу, склонность къ которому, повидимому, развита была у него съ ранняго возраста. Вотъ, напримѣръ, слова характернаго въ своемъ родѣ признанія изъ письма къ Шевыреву отъ 25 мая 1847 г. Стараясь дать себѣ отчетъ въ томъ, какими мотивами руководствовался онъ при изданіи „Переписки съ друзьями“, Гоголь пишетъ: „Я разъялъ себя анатомически, рассмотрѣлъ себя строго и разспросилъ себя еще разъ, поставляя себя мысленно какъ бы предъ судомъ Того, Кто будетъ судить меня“, и нашелъ, что эти мотивы не были эгоистическими ³⁾). Это анатомическое разъятіе въ позднѣйшее время стало обычнымъ явленіемъ его внутренней жизни и часто сопровождалось самообличеніемъ, переходившимъ иногда въ настоящее самобичеваніе.

Впрочемъ, Гоголь не всегда только себя одного винилъ въ своихъ внутреннихъ слабостяхъ; у него было подставное лицо, на которое онъ иногда любилъ сваливать часть своей вины: это „духъ-обольститель“, котораго онъ иногда называетъ просто „чортомъ“, а иногда даже уменьшительно-ласкательнымъ именемъ „чортика“. Духъ-обольститель, въ представленіи Гоголя, не обладаетъ сколько-нибудь значительными силами и серьезнаго положитель-

¹⁾ Письма, III, 241.

²⁾ Ibid, 137.

³⁾ Ibid., 473.

наго вреда онъ человѣку сдѣлать не можетъ: его пакости ограничиваются тѣмъ, что, неотступно слѣдя за человѣкомъ, онъ горько слѣдитъ за его слабостями и эксплуатируетъ ихъ въ свою пользу и во вредъ, конечно, человѣку. „Духъ-обольститель, жалуется Гоголь въ письмѣ къ о. Матвѣю, такъ близко отъ меня и такъ часто обманывалъ, заставляя меня думать, что я уже владѣю тѣмъ, къ чему еще только стремлюсь и что, покуда, пребываетъ только въ головѣ, а не въ сердцѣ!“ Эта близость искушителя повергаетъ Гоголя въ настоящую панику и лишаетъ его увѣренности въ своихъ дѣйствіяхъ. „Страшусь всего, продолжаетъ онъ въ томъ же письмѣ, видя ежеминутно, какъ хожу опасно. Блеститъ вдали какой-то лучъ спасенія—святое слово—*любовь*. Мнѣ кажется, какъ-будто теперь становятся мнѣ милѣе образы людей, чѣмъ когда-либо прежде, какъ будто я гораздо больше способенъ теперь любить, чѣмъ когда-либо прежде. Но Богъ знаетъ, можетъ быть, и это только такъ кажется: можетъ быть и здѣсь *играетъ роль искушитель*“... ¹⁾). Серьезный тонъ приведенныхъ словъ показываетъ, что Гоголь смотрѣлъ на искушителя глазами христіанскаго катехизиса. Тонъ этотъ не всегда однако же выдерживается. Въ данномъ случаѣ онъ обусловливался, повидимому, какъ достоинствомъ лица, къ которому писалось письмо, такъ и настроеніемъ духа, въ которомъ оно писалось. Въ письмахъ же къ другимъ лицамъ, писанныхъ въ другомъ настроеніи духа, въ Гоголѣ, когда онъ говоритъ объ этомъ предметѣ, просыпается старый юмористъ, который почтенное имя „духа-искушителя“, безъ особаго стѣсненія, превращаетъ въ настоящаго „чорта“, съ которымъ мы знакомы по разсказамъ изъ малорусскаго быта. Въ этомъ отношеніи особенно характерны слѣдующія строки изъ письма Гоголя къ С. Т. Аксакову. Доказывая, что „волненіе и мысленная борьба“, на которыя жаловался Аксаковъ, „есть больше ничего, какъ дѣло общаго нашего пріятеля, всѣмъ извѣстнаго, именно—„чорта“, Го-

¹⁾ Письма, IV, 187—188.

голь такъ характеризуетъ этого общаго всѣмъ намъ пріятеля. „Вы эту скотину бейте по мордѣ и не смущайтесь ничѣмъ. Онъ—точно мелкій чиновникъ, забравшійся въ городъ будто на слѣдствіе. Пыль запуститъ всѣмъ, распечеть, раскричится. Стоить только немножко струсить и податься назадъ—тутъ онъ и пойдетъ храбриться. А какъ только наступишь на него, онъ и хвостъ подожметъ. Мы сами дѣлаемъ изъ него великана; а въ самомъ дѣлѣ онъ чортъ знаетъ что. Пословица не бываетъ даромъ; а пословица говоритъ: *хвалился чортъ всѣмъ міромъ овладѣть, а Богъ ему и надъ свиньей не далъ власти*. Его тактика извѣстна: увидѣвши, что нельзя склонить на какое-нибудь скверное дѣло, онъ убѣжитъ бѣгомъ и потомъ подѣдетъ съ другой стороны, въ другомъ видѣ, нельзя-ли какъ-нибудь привести въ уныніе, шепчетъ: „Смотри, какъ у тебя много мерзостей,—пробуждайся!“ когда незачѣмъ и пробуждаться, потому что не спишь, а, просто, не видишь его одного. Словомъ, пугать, надувать, приводить въ уныніе—это его дѣло. Онъ очень знаетъ, что Богу не любъ человѣкъ унывающій, пугающійся, словомъ—не вѣрящій въ Его небесную любовь и милость, вотъ и все“... ¹⁾). Такимъ же тономъ отличаются и слѣдующія строки изъ письма къ Смирновой, которыя тѣмъ интереснѣе, что писаны въ іюлѣ 1850 года, значить, менѣе чѣмъ за два года до смерти. „А на счетъ чортика и всякихъ лѣзущихъ въ голову постороннихъ гостей, скажу вамъ: просто, плюньте на нихъ! Скажите; „Мнѣ некогда, у меня есть теперь много заботъ поважнѣе, въ томъ числѣ, положимъ, и дѣло Гоголя“. А еще лучше скажите: „У меня есть другія, высшія обязанности: мнѣ нужно благодарить Бога за то, что сохранилъ меня до сихъ поръ, что я живу на свѣтѣ, что жизнь моя нужна для добрыхъ дѣлъ. Некогда, некогда, сатана! убирайся себѣ въ свою преисподнюю!“ Онъ, скотина, убѣжитъ, поджавши хвостъ“ ²⁾). Сравненіе чорта съ мелкимъ чиновникомъ,

¹⁾ Письма, II, 434—435.

²⁾ Ibid., IV, 334—335.

сопоставленіе его „со всякими лѣзущими въ голову посторонними гостями“, доказываетъ не то, что Гоголь не вѣрилъ въ злого духа, какъ живую личность, какъ „духа-искусителя“, а то, какъ трудно было ему освободиться, съ одной стороны, отъ впечатлѣній ранняго дѣтства, съ другой стороны—отъ способности мыслить образами: художникъ-юмористъ отъ времени до времени проглядываетъ въ немъ даже сквозь сгущенную струю горькихъ слезъ, обильно смачивавшихъ конецъ жизненнаго пути, уже прямо ведущаго Гоголя къ могилѣ.

Намъ уже приходилось замѣчать, что состояніе духа, которое самъ Гоголь называлъ „безчувственнымъ и бездѣйственнымъ“ ¹⁾, и которое выражалось какъ въ оскудѣніи силы художественнаго творчества, такъ и въ неспособности къ религіозно-нравственнымъ подвигамъ, которыхъ такъ жаждала его душа,—сопровождалось сильнымъ упадкомъ физическихъ силъ и, безъ сомнѣнія, имъ обуславливалось. Жалобы на невыносимыя физическія страданія, на сильное нервное разстройство, на одолевавшую скорбь, тоску, уныніе, хандру, въ его письмахъ принимаютъ иногда характеръ неумолкаемаго вопля. Особенно тяжелъ для него былъ 1845 годъ. Въ февралѣ 1846 года онъ писалъ Плетневу: „Тяжки и тяжки мнѣ были послѣднія времена, и весь минувшій годъ такъ тяжелъ, что я дивлюсь теперь, какъ вынесъ его. Болѣзненные состоянія до такой степени (въ концѣ прошлаго года и даже въ началѣ нынѣшняго) были невыносимы, что повѣситься или утопиться казалось какъ бы похожимъ на какое-то лекарство и облегченіе“ ²⁾. Еще въ половинѣ 1845 года онъ многократно увѣрялъ Языкова, что болѣзнь его серьезна, что силы его исчерпаны, что „только одно чудо Божіе можетъ спасти“ его ³⁾. Особенно смущала Гоголя неспособность врачей правильно поставить діагнозъ болѣзни. „Меня, писалъ онъ Жуковскому въ іюнѣ 1845 г. изъ

¹⁾ Письма, II, 381.

²⁾ Ibid., III, 147.

³⁾ Ibid., 64.

Берлина, смущала не самая болѣзнь моя, но то, что я не могъ добиться отъ докторовъ, въ чемъ именно состоитъ болѣзнь моя. Что есть во мнѣ нервическое разстройство, это я слышалъ, но отчего оно произошло—это осталось для меня задачей, а непрерывное возрастанье недуговъ не-нервическихъ, вмѣстѣ съ нервическими, изсушеніе всего тѣла и цвѣтъ мертвечины, который оно принимало, чѣмъ дальше, больше, все это запутывало еще больше задачу и не давало мнѣ надлежащаго духа отважиться на одинокое и пустынное леченіе, опасное при хандрическомъ расположеніи духа, постоянно преслѣдовавшемъ меня ¹⁾). Вообще отъ писемъ Гоголя за это время вѣтъ чѣмъ-то похожимъ на отчаяніе. „Здоровье мое плохо совершенно, писалъ онъ Шереметевой, силы мои гаснутъ. Отъ врачей и отъ искусства я не жду уже никакой помощи, ибо это физически не возможно... Я слишкомъ знаю, что нельзя зажечь уже свѣтильникъ, если не стало масла; но знаю, что есть Сила, Которая и въ мертвомъ воздвигнетъ духъ жизни, если восхощетъ, и что молитва угодныхъ Богу душъ велика предъ Богомъ“ ²⁾).

Итакъ, разбитый физически и нравственно, утративъ вѣру въ человѣческія средства, но не утративъ надежды на возможность сверхъестественнаго исцѣленія посредствомъ чудодѣйственнаго акта, Гоголь рѣшилъ предпринять путешествіе въ Святую Землю, надѣясь отъ самаго Бога, на мѣстѣ высшаго проявленія Его силы, получить то, чего онъ не могъ получить отъ людей. Мы уже видѣли, что Гоголь собирался между прочимъ много „обдумать у гроба самаго Господа, и отъ Него испросить благословеніе на все, въ самой той землѣ, гдѣ ходили Его небесныя стопы“. Но то главное, чего онъ надѣялся достигнуть посредствомъ этого путешествія, выражено имъ въ послѣднемъ прошеніи составленной имъ молитвы, которое читается такъ: „И сподоби его, Боже, *возстать отъ святого Гроба съ обновлен-*

¹⁾ Письма, III, 70.

²⁾ Ibid., 78.

ными силами, бодростью и рвеніемъ возвратиться къ дѣлу и труду своему, на добро землѣ своей и на устремленіе сердца къ прославленію святаго имени Твоего“ ¹⁾).

Придавая такое большое значеніе этому путешествію, Гоголь готовился къ нему долго и серьезно: заботясь о чистотѣ душевной, онъ усердно молился самъ и просилъ молиться о себѣ другихъ, говѣлъ и пріобщался Св. Таинъ. Душевное настроеніе его предъ самымъ отправленіемъ видно изъ третьяго и четвертаго прошенія вышеупомянутой молитвы. Здѣсь читаемъ: „Тягину же души его исполни благодатныхъ мыслей во все время дороги его! Удали отъ него *духа колебаній, духа помысловъ мятежныхъ и волнуемыхъ, духа суевѣрія, пустыхъ примѣтъ и малодушныхъ предчувствій, ничтожнаго духа робости и боязни!* Духъ же твердости и силы, и не сокрушимой надежды въ Тебя, Боже, всели въ него! Да окрѣпнетъ во всемъ благомъ и угодномъ Тебѣ!“ ²⁾. Но особенно живо рисуется это состояніе въ письмахъ, писанныхъ предъ самымъ отправленіемъ въ путь. „Чувствую, пишетъ онъ матери, что нѣтъ силъ молиться самому: силы мои какъ бы ослабѣли, сердце черство, малодушна душа. Я требую отъ васъ всѣхъ (родныхъ) помощи, какъ погибающій братъ просить у братьевъ“ ³⁾. „Собираюсь въ путь, читаемъ въ письмѣ къ Шереметевой, готовлюсь сѣсть на корабль ѣхать въ Святую Землю, а между тѣмъ—какъ мало похожу на человѣка, собирающагося въ путь! какъ много въ душѣ мелочныхъ земныхъ привязанностей, земныхъ опасеній! какъ малодушна моя душа!“ ⁴⁾. Ему даже кажется, что у него „вѣры

¹⁾ Письма, IV, 158, 162.

²⁾ Ibid., 446. Слова эти составлены, очевидно, въ подражаніе словамъ молитвы Ефрема Сирина. Въ письмѣ къ Шереметевой начало приведенныхъ строкъ читается такъ: „Душу же его исполни благодатныхъ мыслей“. Ibid., IV, 162.

³⁾ Ibid., IV, 153.

⁴⁾ Ibid., 161.

нѣтъ вовсе“ ¹⁾. При такомъ душевномъ настроеніи оставалось одно—молитва; но при непобѣдимой апатіи и равнодушіи ко всему даже молитвенное настроеніе оставило его. Не въ силахъ будучи самъ молиться, онъ проситъ объ усиленной молитвѣ другихъ: „Прошу васъ, обращается онъ къ матери, отправить молебенъ, и, если можно, даже не одинъ, (во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ умѣютъ лучше молиться) о благополучномъ моемъ путешествіи. Чувствую, что нѣтъ силъ самому молиться... Соедините ваши моленія и помогите воскрылиться къ Богу моей молитвѣ“ ²⁾. Почти тоже пишетъ онъ и Шереметевой. „Другъ мой, молитесь обо мнѣ, молитесь крѣпче, чѣмъ когда-либо молились! Молитесь о томъ, чтобы Богъ далъ силы помолиться такъ, какъ долженъ молиться Ему на землѣ человѣкъ, Имъ созданный и облагодѣтельствованный! Поручите отслужить молебенъ о благополучномъ моемъ путешествіи такому священнику, о которомъ вы знаете, что онъ отъ всей души обо мнѣ помолится“ ³⁾. По совѣту о. Матвѣя, Гоголь въ это время читаетъ Евангеліе и дѣлаетъ распоряженіе о высылкѣ о. Матвѣю „100 рублей серебромъ на молебны и на бѣдныхъ“ ⁴⁾. Послѣ того, что раньше сказано было о взглядѣ его на молитву, нѣкоторыя своеобразныя особенности приведенныхъ здѣсь просьбъ о молитвѣ не нуждаются въ разъясненіяхъ.

Итакъ, колеблясь между отчаяніемъ и надеждою, Гоголь, 22 января 1848 г., сѣлъ въ Неаполѣ на корабль, а на другой день, нѣсколько ободренный началомъ путешествія, писалъ уже изъ Мальты: „слава Богу, я еще живъ, я еще могу *надѣяться*, что Богъ приведетъ состояніе души моей въ *болѣе благодатное состояніе*. О, если бы я приведенъ былъ въ возможность такъ помолиться, какъ угодно Богу, чтобы молились ему люди!“ ⁵⁾.

¹⁾ Письма, IV, 154.

²⁾ Ibid., 156.

³⁾ Ibid., 161.

⁴⁾ Ibid., 155.

⁵⁾ Ibid., 164.

Но увы! Этому страстному желанію не суждено было осуществиться. Вообще слабый, еще болѣе обезсиленный утомительнымъ путешествіемъ, по прибытіи въ Святѣя Мѣста онъ не въ состояніи былъ собраться ни съ мыслями, ни съ чувствами, и оказался въ состояніи какого-то полузабытья, какъ бы въ туманѣ; все происходившее предъ его глазами совершалось какъ бы во снѣ. На первыхъ порахъ онъ даже не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что именно съ нимъ происходило. Описывая Жуковскому, въ письмѣ изъ Бейрута, свое присутствіе на литургіи у гроба Господня, онъ пишетъ: „Все это было такъ чудно! Я не помню, молился ли я. Мнѣ кажется, я только радовался тому, что помѣстился на мѣстѣ, такъ удобномъ для моленья и такъ располагающемъ молиться; молиться же собственно я не успѣлъ. Такъ мнѣ кажется. Литургія неслась, мнѣ казалось, такъ быстро, что самыя крылатыя моленья не въ силахъ были угнаться за нею. Я не успѣлъ почти опомниться, какъ очутился передъ чашей, вынесенной священникомъ изъ вертепа, для приобщенія меня недостойнаго... Вотъ тебѣ всѣ мои впечатлѣнія изъ Іерусалима“ ¹⁾. Позднѣе, когда это состояніе прошло и Гоголь, собравшись съ мыслями, постарался дать себѣ отчетъ въ результатахъ этой поѣздки, онъ нашелъ ее совершенно неудавшеюся. Отвѣчая на просьбу Жуковского познакомить его съ впечатлѣніями путешествія, онъ писалъ: „Мое путешествіе въ Палестину точно было совершенно мною затѣмъ, чтобы узнать и какъ-бы узрѣть собственными глазами, какъ велика *черствость* моего сердца. Другъ, велика эта черствость! Я удостоился провести ночь у Гроба Спасителя, я удостоился приобщиться отъ Святыхъ Таинъ, стоявшихъ на самомъ Гробѣ вмѣсто престола,—и при всемъ томъ я не сталъ лучшимъ, тогда какъ все земное должно было во мнѣ сгорѣть и остаться одно небесное. Что могутъ доставить тебѣ мои *сонныя* впечатлѣнія? Видѣлъ я *какъ во снѣ* эту Землю...“ ²⁾. Точно

¹⁾ Письма, IV, 177.

²⁾ Ibid., 299—300.

также въ письмѣ къ Шереметевой онъ писалъ: „У Гроба Господня я былъ какъ-будто затѣмъ, чтобы *тамъ*, на мѣстѣ, почувствовать, какъ много во мнѣ *холода сердечнаго*, какъ много *себялюбія* и *самолюбія*. Итакъ далеко отъ меня то, чтò я полагалъ чуть не *близко*“ ¹⁾. Вообще, сознавался онъ о. Матвѣю, „что еще никогда не былъ я такъ мало доволенъ состояніемъ сердца своего, какъ въ Іерусалимѣ и послѣ Іерусалима. Только развѣ что больше увидѣлъ *черствость* свою и свое *себялюбіе*, вотъ весь результатъ!“ ²⁾.

Слѣдя за этимъ самообличеніемъ, переходящемъ иногда въ настоящее самобичеваніе, невольно жалѣешь, что никто не напомнилъ Гоголю его же собственныхъ словъ о томъ, „что нельзя зажечь уже свѣтильникъ, если не стало масла“. Вспоминая минуты когда-то пережитаго поэтическаго вдохновенія, минуты вышшаго воспламененія всѣхъ силъ и способностей души, Гоголь хотѣлъ бы, чтобы эти счастливыя минуты вновь повторились теперь въ сферѣ жизни религіозной, и, не находя въ себѣ ничего подобнаго, объясняетъ этотъ чисто фізіологическій *холодъ сердца* своими нравственными недостаткамъ. Но откуда было взяться жару сердца, когда масло, поддерживавшее горѣніе свѣтильника, изсякло, когда огонь жизни во всемъ полуомертвѣвшемъ организмѣ еле теплится? А между тѣмъ свѣтильникъ быстро тускнѣлъ, жизнь видимо догорала, что особенно ясно обнаруживалось на упадкѣ активныхъ силъ души. „Иногда кажется, писалъ Гоголь отцу Матвѣю, какъ-бы отъ всей души молюсь, то есть, хочу молиться, но этой молитвы бываетъ одна-двѣ минуты; далѣе мысли мои расхищаются; приходятъ въ голову незванные, непрощенные гости и уносятъ помышленья Богъ вѣсть въ какія мѣста, прежде чѣмъ успѣваю очнуться. Все какъ-то дѣлается не во время: когда хочу думать объ одномъ, думается о другомъ; когда

¹⁾ Письма, IV, 190.

²⁾ Ibid., 187.

думаю о другомъ, думается о прежнемъ“¹⁾. Изъ этого факта видно, что сознательно и свободно направляемый ходъ мысли у Гоголя сталъ замѣняться случайной, ничѣмъ нерегулируемой ассоціаціей представлений, съ произволомъ которой онъ не можетъ справиться, несмотря на все свое усиліе; а это значить, что свобода воли уже сильно парализована. Но, съ другой стороны, этотъ же фактъ доказываетъ и то, что центральное ядро сознанія, служащее ориентировочнымъ пунктомъ въ процессѣ самоанализа, еще крѣпко, что ни одна частная идея не сдвинула его съ основной позиціи и не получила въ немъ исключительнаго, доминирующаго значенія. Другими словами: больной идеи, которою характеризуется истинное сумасшествіе, у Гоголя нѣтъ, и мысль о его сумасшествіи могла родиться только по недоразумѣнію.

Предметомъ особой заботы его въ позднѣйшее время была мысль о *спасеніи души*; подкрѣпляемая мыслию о *возмездіи* въ загробной жизни, она сильно беспокоила его. Понимая, какое важное значеніе въ системѣ христіанскаго ученія занимаетъ заповѣдь о любви, онъ, въ интересахъ достиженія спасенія, старался развить въ себѣ это чувство, но понималъ эту свою задачу чисто мистически: требуя отъ истинной любви сильнаго напряженія чувства и не находя его въ себѣ, онъ съ горечью обличаетъ себя въ душевной *черствости*, въ *холодѣ* сердца, въ *себялюбіи* и *самолюбіи*. Среди людей, съ которыми онъ въ послѣднее время поддерживалъ оживленное сношеніе, очевидно, не нашлось человека, который бы ему растолковалъ, что истинная скорбь, съ которою онъ обличалъ себя въ недостатокъ любви, несомнѣнно показывала, что онъ не былъ настоящимъ себялюбомъ, что возбужденность чувства, какъ и психическій актъ, который не всегда

¹⁾ Письма, IV, 229. Издатели этого письма (Кулишъ и Шенрокъ) колеблются въ опредѣленіи года этого письма между 1848 и 1851 г. По нашему мнѣнію, не должно быть сомнѣнія въ томъ, что это письмо относится къ самому послѣднему времени жизни Гоголя. Такого его содержаніе.

зависить отъ доброй воли человѣка, не есть единственный критерій для опредѣленія истинно-христіанской любви, что „Господь и намѣренія цѣлуетъ“, что заповѣдь о любви можно исполнять по-сильнымъ оказываніемъ добра людямъ, не входя непременно въ состояніе экзальтаціи и проч. и проч. Словомъ, въ эту тяжелую для Гоголя минуту не нашлось человѣка, который своимъ авторитетнымъ воздѣйствіемъ отрезвилъ бы его, указавъ на одностороннее направленіе его религіозной мысли, которая еще несомнѣнно способна была къ вразумленію, ибо фиксированной идеи, которая бы гвоздемъ, такъ сказать, засѣла въ его сознаніи, у него несомнѣнно еще не было. Самымъ авторитетнымъ лицомъ для Гоголя въ данное время былъ о. Матвѣй, письмами котораго онъ такъ дорожилъ. Къ сожалѣнію, письма эти не сохранились, и мы теперь не можемъ судить о томъ, какія именно наставленія давалъ о. Матвѣй Гоголю. Одно только съ нѣкоторою вѣроятностію можно предположить, что въ своихъ взглядахъ на начала христіанской аскетики о. Матвѣй былъ не шире Гоголя, что своими наставленіями онъ способенъ былъ только растравить душевныя раны своего духовнаго паціента, а подать ему исцѣляющій бальзамъ онъ былъ не въ силахъ. На эту мысль наводятъ слѣдующія строки изъ письма Гоголя къ отцу Матвѣю, писаннаго изъ Іерусалима: „Ваши письма мнѣ были очень нужны: они заставили меня *лучше осматрѣть себя и разобрать строже* мои дѣйствія“¹⁾. Всякъ, кто сколько-нибудь способенъ понимать человѣческую душу, согласится, что если письма о. Матвѣя вызывали въ Гоголѣ еще болѣе строгое отношеніе къ себѣ, то онѣ были для него не исцѣляющимъ бальзамомъ, а отравляющимъ ядомъ; ибо о какой строгости можетъ быть рѣчь въ отношеніи къ человѣку, который и безъ того себя бичуетъ не хуже любого средневѣковаго флагелланта? Гоголь въ настоящемъ своемъ состояніи нуждался не въ усиленіи самоанализа, который и безъ того сталъ принимать бо-

¹⁾ Письма, IV, 171.

лѣзненный характеръ, а въ успокоеніи, въ умиротвореніи и безъ того глубоко страдавшей души. Ему, какъ малому ребенку, нужно было внушить, что христіанскій Богъ не даромъ называется Богомъ любви и правды, что Онъ не можетъ потребовать отъ чловѣка больше того, что послѣдній можетъ дать Ему, что у Него такъ много милости, что ея хватить и для праведниковъ и грѣшниковъ, было бы только у нихъ искреннее желаніе исполнить Его волю и т. д. Но, признаемся, насъ беретъ сильное сомнѣніе въ томъ, чтобы о. Матвѣй велъ съ Гоголемъ рѣчи на такія темы. По крайней мѣрѣ изъ отвѣтныхъ писемъ Гоголя этого не видно. Вотъ весьма любопытныя строки изъ отвѣтнаго письма отцу Матвѣю, отъ 12 января 1848 года: „Я вѣрю, что вы молитесь обо мнѣ и *просили у Бога вразумленья сказать мнѣ то, что для меня нужно...* Не могу только рѣшить того, дѣйствительно-ли дѣло, которое меня занимаетъ и было предметомъ моего обдумыванія съ давнихъ поръ, есть учительство“ ¹⁾. Обращеніе о. Матвѣя къ Богу съ просьбой вразумить его относительно того, что слѣдуетъ сказать Гоголю такое, что ему теперь нужно, показываетъ, что самъ онъ отъ себя ничего не способенъ былъ сказать и ждалъ вдохновенія свыше. Не удивительно поэтому, что и Гоголь, не получая отвѣта на мучившіе его вопросы ни отъ своего собственнаго разума, ни отъ своего духовнаго наставника, обратился за рѣшеніемъ къ тому-же источнику, т. е. ждалъ вдохновенія свыше, которое надѣялся получить у Гроба Господня. Не лишена также интереса въ приведенныхъ строкахъ письма и рѣчь объ *учительствѣ*. О. Матвѣй не только не въ состояніи былъ своими наставленіями поставить Гоголя на истинную дорогу, но, повидимому, даже самаго Гоголя считалъ великимъ учителемъ, толкая его на тотъ путь, въ движеніи по которому Гоголь въ послѣдніе годы своей жизни видѣлъ свое призваніе.

Что же касается причины обаянія, которое о. Матвѣй производилъ на Гоголя, то, думается намъ, рѣшенія этого вопроса

¹⁾ Письма, IV, 151.

слѣдуетъ искать на почвѣ подчиненія слабовольнаго человѣка другому человѣку съ сильною волею. А до чего дошелъ Гоголь въ этомъ отношеніи въ послѣдніе годы, особенно въ послѣдніе мѣсяцы жизни, видно изъ слѣдующаго разсказа Плетнева въ письмѣ его къ Жуковскому, писанномъ скоро послѣ смерти Гоголя. „Нашелся какой-то священникъ, который неизвѣстно чѣмъ поразилъ воображеніе Гоголя до того, что онъ на масляницѣ рѣшился говѣть. Онъ уже и прежде показывалъ упадокъ духа и воли, стараясь опираться на слово какого-нибудь духовнаго. Такъ еще осенью, отправляясь въ Малороссію на свадьбу сестры, онъ дорогою заѣхалъ къ одному монаху, чтобы тотъ далъ ему совѣтъ, въ Москвѣ ли ему остаться, или ѣхать къ своимъ. Монахъ, выслушавъ разсказъ его, присовѣтовалъ ему послѣднее. На другой день Гоголь опять пришелъ къ нему съ новыми объясненіями, послѣ которыхъ монахъ сказалъ, что лучше рѣшиться на первое. На третій день Гоголь явился къ нему снова за совѣтомъ. Тогда монахъ велѣлъ ему взять образъ—и исполнить то, что при этомъ придетъ ему на мысль. Случай благопріятствовалъ Москвѣ. Но Гоголь въ четвертый разъ пришелъ за новымъ совѣтомъ: тогда, вышедши изъ терпѣнія, монахъ прогналъ его, сказавъ, надобно остаться при внушеніи, посланномъ отъ Бога“ ¹⁾. Ясно, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, у котораго сила воли совершенно парализована и которымъ, поэтому, легко можетъ управлять каждый, кто силою своей воли сумѣетъ подчинить его своему вліянію.

Гоголь умеръ отъ истощенія силъ, до котораго онъ добровольно довелъ себя посредствомъ отказа отъ принятія пищи. Въ послѣдніе дни жизни, „пропуская лишь нѣсколько капель воды съ краснымъ виномъ, онъ продолжалъ стоять колѣнопреклоненный передъ множествомъ поставленныхъ передъ нимъ образовъ и молиться. На всѣ увѣщанія онъ отвѣчалъ тихо и кротко:

¹⁾ Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, т. III, 730—731.

„оставьте меня; мнѣ хорошо“. Онъ забылъ обо всемъ: не умывался, не чесался, не одѣвался“ ¹⁾. Здѣсь въ образѣ смерти нѣтъ ничего оригинальнаго. Такъ умирали, какъ извѣстно, многіе христіанскіе подвижники, примѣромъ которыхъ, очевидно, и воспользовался Гоголь.

Намъ осталось сказать еще нѣсколько словъ о той сторонѣ дѣятельности Гоголя, которую самъ онъ называлъ „учительствомъ“. Но этотъ вопросъ можетъ быть понятъ только въ связи съ тѣмъ „переломомъ“, который, какъ казалось современникамъ, произошелъ въ его жизни въ началѣ сороковыхъ годовъ.

Можно спорить какъ о характерѣ, такъ и о силѣ происшедшей въ Гоголѣ перемѣны; но самаго факта перемѣны оспаривать нельзя; фактъ этотъ засвидѣтельствованъ современными наблюдателями; существованіе свидѣтельства современниковъ говоритъ о полученіи ими извѣстнаго впечатлѣнія; а разъ впечатлѣніе получено, то было, значить, и жизненное явленіе, отъ котораго это впечатлѣніе получилось. Современные наблюдатели могли преувеличить силу наблюдаемаго ими факта, они могли не понять его внутренняго смысла, но они не могли выдумать самаго факта, по крайней мѣрѣ наука этого доказать не можетъ. Итакъ, мы выходимъ изъ того положенія, что перемѣна въ Гоголѣ есть твердо установленный историческій фактъ, и ставимъ вопросъ: въ чемъ же заключалась сущность этой перемѣны?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, прежде всего замѣтимъ, что для общества, которое не имѣло возможности слѣдить за внутреннею жизнью Гоголя, происшедшая въ немъ перемѣна сдѣлалась извѣстною только съ выходомъ въ свѣтъ (1846 г.) *Переписки съ друзьями*. Общество, съ нетерпѣніемъ ожидавшее второго тома „Мертвыхъ Душъ“, вдругъ получило книгу, которая поразила всѣхъ и своимъ содержаніемъ, и своимъ тономъ, словомъ, своею неожиданностью: въ этой книгѣ вмѣсто всѣми любимаго, веселаго

¹⁾ Соч. и переписка П. А. Плетнева, т. III, 731.

юмориста выступилъ скучный, ноющій моралистъ, чуть-ли не одержимый религіозной маніей. Въ сущности почти такое же впечатлѣніе произвела *Переписка* и на людей, близко стоявшихъ къ Гоголю, но познакомившихся съ нимъ только недавно, а поэтому не знакомыхъ съ болѣе раннею порою его жизни. Тутъ вся разница сводилась почти исключительно къ сравнительно меньшей неожиданности въ перемѣнѣ тона, ибо такая перемѣна людьми, близко стоявшими къ Гоголю, стала замѣчаться много раньше.

Не такое впечатлѣніе фактъ появленія *Переписки* производитъ на современнаго изслѣдователя, имѣющаго возможность сопоставить и сравнить эти два отдѣльные момента въ жизни Гоголя. Для насъ лично рѣшимость Гоголя предать гласности „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“ представляется лишь открытымъ проявленіемъ того душевнаго движенія, которое, зародившись еще въ раннемъ дѣтствѣ, подъ воздѣйствіемъ идей спасенія и возмездія въ загробной жизни, крѣпло и развивалось, но пока скрывалось или, если и проявлялось, то подъ прикрытіемъ художественной формы. Мы уже познакомились съ признаніемъ Гоголя въ томъ, какъ онъ въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ въ юмористической формѣ преслѣдовалъ свои собственные пороки, которые въ той или другой степени были, конечно, пороками и другихъ людей. Ясно, что въ душѣ Гоголя проповѣдникъ и моралистъ сначала мирно уживался съ художникомъ, причемъ первый, если можно такъ выразиться, скрывался отъ людскаго глаза за стѣною второго. Когда же съ упадкомъ силы художественнаго творчества, художникъ въ Гоголѣ сталъ, такъ сказать, никнуть и умаляться, изъ-за исчезавшаго прикрытія естественно сталъ показываться проповѣдникъ и моралистъ, который скоро и выступилъ во весь свой ростъ. Вотъ эта-то метаморфоза и бросилась въ глаза современнымъ наблюдателямъ, которые и заговорили о перепискѣ, переломѣ, преображеніи и т. д., не давая себѣ отчета въ томъ, въ чемъ именно заключается сущность наблюдаемаго факта.

Мы познакомились также съ собственнымъ признаніемъ Гоголя и въ томъ, что онъ долго намѣренно *скрывалъ* отъ людей свое религіозно-нравственное состояніе. Но Гоголь въ этомъ случаѣ не дѣлалъ ничего такого, чего бы не дѣлали и многіе другіе люди, неохотно, не всегда и не вездѣставляющіе на показъ то, что творится въ тайникахъ ихъ души. Тутъ многое зависитъ отъ той среды, въ которой вращается человѣкъ; есть люди, откровенность съ которыми невозможна безъ риска быть оскорбленнымъ въ самыхъ дорогихъ, въ самыхъ святыхъ чувствахъ. Нельзя, напримѣръ, серьезно говорить о религіозныхъ вопросахъ тамъ, гдѣ смѣются, гдѣ издѣваются надъ всѣмъ религіознымъ. Въ этомъ отношеніи весьма важно свидѣтельство С. Т. Аксакова, который, указывая на религіозное „нравственно-наставительное“ направленіе Гоголя, какъ на причину его, ссылается между прочимъ на „дружескія связи съ женщинами, большею частію высшаго круга. Онъ, говоритъ Аксаковъ, сейчасъ сдѣлали изъ него нѣчто въ родѣ духовника своего, вскружили ему голову восторженными похвалами и увѣреніями, что его письма и совѣты или поддерживаютъ или возвращаютъ ихъ на путь добродѣтелей“. ¹⁾ Мы не расположены въ этихъ и подобныхъ имъ связяхъ видѣть дѣйствительную причину даннаго направленія Гоголя; но мы думаемъ, что въ этихъ связяхъ онъ несомнѣнно нашелъ благопріятныя условія для обнаруженія того направленія, которое въ немъ давно зародилось, но которое онъ пока вынужденъ былъ скрывать внутри себя.

Не отрицая, такимъ образомъ, извѣстной доли вліянія на Гоголя такихъ дамъ, какъ Віельгорская, Сологубъ, Смирнова, Шереметева и др., мы, однакоже, въ виду указаннаго обвиненія Аксакова, невольно вспоминаемъ слова басни Крылова:

Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,

Не лучше-ль на себя, кума, оборотиться.

¹⁾ Біографія Кошелева, т. II, 80—81.

Дѣйствительно, если ужъ искать причину перемѣны въ Гоголѣ во внѣшнемъ воздѣйствіи людей, то тутъ прежде всего необходимо вспомнить семью самого Аксакова, а равно и другихъ членовъ того Московскаго кружка, къ которому принадлежали Аксаковы и съ которымъ близко сошелся Гоголь во время своего пребыванія въ Москвѣ. Имѣемъ въ виду кружокъ Московскихъ славянофиловъ. По этому вопросу даемъ ниже разъясненія.

Передовые люди нашего общества 40-хъ и 50-хъ годовъ не даромъ получили названіе идеалистовъ. Платя дань почти всеобщему увлеченію нѣмецкою философіею, ко всѣмъ вопросамъ науки и жизни они подступали съ принудительной стороны, стараясь построить жизнь на неизблемомъ и непремѣнно нравственно, возвышенномъ идеалѣ. Въ поискѣ за идеаломъ у многихъ изъ нихъ замѣчается какая-то двойственность: въ то время какъ отвлеченная мысль увлекалась той или другой философской системой, русское сердце, воспитанное въ историческихъ традиціяхъ народной жизни, направляло сознаніе въ другую сторону, именно, въ область живой религіозной вѣры. Возникавшая отсюда борьба, не рѣдко сопровождавшаяся попытками примирить два противоположныя начала, обыкновенно оканчивалась у однихъ полнымъ отрицаніемъ вѣры, у другихъ полнымъ ея торжествомъ. Вотъ почему въ тогдaшнее время легко можно было встрѣтиться съ такого рода явленіемъ: вчера рьяный шеллингистъ или гегельянецъ, безусловно вѣрившій въ непогрѣшимость своихъ кумировъ, сегодня православный христіанинъ, засѣвшій за чтеніе Св. Писанія, отцовъ и учителей Церкви. Послѣдняго рода переломъ, въ той или другой степени, пережили почти всѣ члены славянофильскаго кружка, въ общество которыхъ попалъ Гоголь въ Москвѣ. Хорошей иллюстраціей сказаннаго можетъ служить извѣстный А. И. Кошелевъ. Въ молодости „заклятый шеллингіанецъ“, въ зрѣломъ возрастѣ „винокуръ, сильно дѣйствовавшій по промышленнымъ и торговымъ оборотамъ“, на 41 году жизни принимаетъ направле-

ніе, характеръ котораго ясно выступаетъ въ слѣдующихъ строкахъ его дневника: „съ 15 сего мѣсяца (ноябрь 1848 г.) я началъ ежедневно читать „Дѣянія св. Апостоловъ“. Это чтеніе имѣетъ на меня весьма сильное дѣйствіе... Вѣра и жизнь должны заключить союзъ на вѣкъ... Христово чтеніе должно теперь перейти въ жизнь и совершенно измѣнить всѣ общественныя отношенія, правила, удовольствія.—Или Христово ученіе есть ложь, или всѣ мы жестокіе наглецы, называя себя христіанами. Мы язычники и болѣе ничего.—Рѣшительно передъ каждымъ дѣйствіемъ должно думать, согласно ли оно съ ученіемъ Христовымъ. Всѣми силами должны стараться и мысли и дѣйствія согласовать съ симъ высокимъ ученіемъ“¹⁾. Легко замѣтить, что отъ приведенныхъ строкъ вѣетъ тѣмъ же духомъ, съ которымъ мы уже встрѣтились въ Гоголь, который точно также возмущался тѣмъ, что мы „съ религіею, которая именно дана намъ на то, чтобы сдѣлать изъ насъ святыхъ и небесныхъ людей, успѣли дойти до такого неряшества и неустройства, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, успѣли сдѣлаться лоскутными, мелкими, отъ головы до самаго платья нашего“...²⁾. Но особенно сильно выражена Гоголемъ мысль о противорѣчій между идеаломъ и дѣйствительною жизнію въ слѣдующихъ строкахъ его письма о Церкви: „Церковь наша должна святиться въ насъ, а не въ словахъ нашихъ. Мы должны быть Церковь наша и нами же должны возвѣстить ея правду. Они (иновѣрцы) говорятъ, что Церковь наша безжизненна. Они сказали ложь, потому что Церковь наша есть жизнь; но ложь свою они вывели логически, вывели правильнымъ выводомъ: *мы трупы, а не Церковь наша, и по насъ они назвали и Церковь нашу трупомъ*... Владѣемъ сокровищемъ, которому нѣтъ цѣны, и не только не заботимся о томъ, чтобы

¹⁾ Біографія Кошелева, т. II, 80—81.

²⁾ Соч. Н. В. Гоголя, изд. Тихонравова, т. IV, изд. 10, стр. 34.

это почувствовать, но и не знаемъ даже, гдѣ положили его“... ¹⁾. Любопытно., что Кошелевъ, который самъ, какъ мы видѣли, мучился господствовавшимъ въ обществѣ противорѣчіемъ между вѣрою и жизнію, смотрѣлъ на Гоголя какъ на жертву этого именно противорѣчія. „Эта мысль (о противорѣчій), писалъ онъ Хомякову, думаю, всего тяжче лежала на душѣ Гоголя; онъ, полагаю, и *изнемогъ подъ ея бременемъ*. Онъ хотѣлъ быть монахомъ въ мірѣ, что всегда было трудно, но теперь невозможно“ ²⁾. Гоголь хотѣлъ быть „монахомъ“. И Кошелевъ, „униваясь сочиненіями“ Василия Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златуста, все болѣе и болѣе приходилъ къ мысли о „необходимости разорвать связь съ *язычествомъ*, т. е. нашимъ обществомъ и нашимъ общественнымъ бытомъ, и крѣпче прилѣпиться къ ученію Христову и къ образу жизни, съ нимъ согласному“. И. С. Аксаковъ, въ письмѣ къ которому высказана была эта мысль, предостерегая отъ крайности въ увлеченіи ею, сознавался, что и ему она *по душѣ*, что она *совпадаетъ съ воинственностью его духа*; о братѣ же Константинѣ прямо свидѣтельствуетъ, что онъ „говорилъ всегда тоже“, что онъ „проповѣдуетъ общественное отшельничество“. ³⁾ Таково было настроеніе того кружка, въ который попалъ Гоголь въ Москвѣ. Легко представить себѣ, какое дѣйствіе должны были произвести эти люди на человѣка, который и безъ того настроенъ былъ въ томъ же духѣ, но который, вслѣдствіе сравнительно большей слабости своего теоретическаго развитія, не давалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, чего именно жаждала душа его. Здѣсь онъ не только получилъ точное указаніе пути, на который и безъ того рвался, но и въ сочувствіи цѣлаго кружка уважаемыхъ людей онъ приобрѣлъ увѣренность въ законности своего паправленія и смѣлость къ открытому выраженію того, что прежде скрывалъ внутри себя и говорить о чемъ прежде стѣснялся.

¹⁾ Ibid., 35.

²⁾ Біографія Кошелева, т. II, Прилож., стр. 45.

³⁾ Ibid., 41, 43.

Что именно вынесъ Гоголь изъ общенія съ Московскими друзьями, отчасти видно изъ слѣдующихъ строкъ его письма къ С. Т. Аксакову, помѣченнаго 28 декабря 1840 г. и писаннаго изъ Рима спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отъѣзда изъ Москвы. „Въ моемъ пріѣздѣ къ вамъ, писалъ Гоголь, котораго значенія я даже не понималъ въ началѣ, заключается *много, много для меня*. Да, чувство любви къ Россіи, слышу, во мнѣ сильно. Многое, что казалось мнѣ прежде непріятно и невыносимо, теперь мнѣ кажется опустившимся въ свою ничтожность и незначительность, и я дивлюсь, ровный и спокойный, какъ я могъ ихъ когда-либо принимать близко къ сердцу. И то, *что я приобрѣлъ въ теперешній пріѣздъ мой въ Москву*, вы знаете! Что я разумѣю, вамъ за этимъ незачѣмъ далеко ходить, чтобы узнать, какое это приобретеніе. *Да, я не знаю, какъ и чѣмъ благодарить мнѣ Бога...* Но уже когда я мыслю о васъ и объ *этомъ юношѣ* (Константинѣ), такъ полною силъ и всякой благодати, который такъ привязался ко мнѣ—я *чувствую въ этомъ что то сладкое...* Но довольно. Сокровенныя чувства какъ-то становятся пошлѣе, когда облакаются въ слова“ ¹⁾. Наукѣ приходится пожалѣть о томъ, что Гоголь не открылъ намъ этихъ сокровенныхъ своихъ чувствъ; но и въ настоящемъ своемъ видѣ это признаніе говоритъ многое. Подчеркивая увѣреніе Гоголя въ томъ, что въ это время „много чуднаго совершилось въ его мысляхъ и мнѣніи“, С. Т. Аксаковъ такъ комментируетъ это его признаніе. „Должно повѣрить, что *много чуднаго* совершилось съ Гоголемъ, потому что онъ съ *этихъ поръ* *измѣнился въ нравственномъ существѣ своемъ*. Это не значить, что онъ сдѣлался другимъ человѣкомъ, чѣмъ былъ прежде; внутренняя основа всегда лежала въ немъ, даже въ самыхъ молодыхъ годахъ; но она скрывалась, такъ сказать, наружностью виѣшняго человѣка. Отсюда начинается постоянное стремленіе Гоголя къ *улучшенію въ себѣ духовнаго чело-*

¹⁾ С. Аксаковъ, Исторія знакомства, стр. 45.

вѣка и преобладаніе религіознаго направленія, достигавшаго въ послѣдствіи, по моему мнѣнію, такого высокаго настроенія, которое уже не совмѣстимо съ тѣлесною оболочкою человѣка“. Не безъ нѣкотораго смущенія Аксаковъ передаетъ далѣе слухъ о томъ, „что Гоголь во время болѣзни (въ Римѣ) имѣлъ *какія-то видѣнія*, о которыхъ онъ тогда же рассказывалъ ходившему за нимъ съ братскою нѣжностью и заботою купцу Н. П. Боткину, который случился на то время въ Римѣ“. Психологическая почва, на которой выросло это „видѣніе“, подготовлена была конечно въ Москвѣ: это-то „*многое*“, которое, по сознанію самого Гоголя, онъ получилъ въ Москвѣ, и за которое онъ не зналъ чѣмъ и какъ благодарить Бога. „Безъ сомнѣнія, говоритъ С. Аксаковъ, пребываніе въ Москвѣ въ ея русской атмосферѣ, дружба съ нами и особенно вліяніе Константина („этого юноши, такъ полнаго силъ и всякой благодати“), который постоянно объяснялъ Гоголю, со всею пылкостью своихъ глубокихъ, святыхъ убѣжденій, все значенія, весь смыслъ Русскаго народа, были единственною причиною того, что онъ сильно слышалъ въ себѣ *чувство любви къ Россіи*. „Я самъ замѣчалъ много разъ, какое впечатлѣніе производилъ онъ на Гоголя, хотя послѣдній старательно скрывалъ свое внутреннее движеніе“ ¹⁾.

Этими замѣчаніями Аксаковъ какъ бы досказываетъ то, чего не сказалъ въ своемъ письмѣ Гоголь, ссылаясь на то, что самъ же Аксаковъ все это знаетъ. Но намъ думается, что послѣдній не полно передалъ мысль своего друга; Аксаковъ особенно подчеркиваетъ фактъ сильнаго пробужденія въ Гоголѣ чувства народности. Онъ думаетъ, что и вліяніе сына Константина этимъ ограничилось. Но едва-ли это было такъ. Нужно помнить, что кружокъ слафянофиловъ, среди которыхъ по преимуществу вращался Гоголь въ Москвѣ, теперь еще только слагался. Это было время, когда Константинъ Аксаковъ и Ю. Θ. Самаринъ, съ одной

¹⁾ С. Аксаковъ, Исторія, знакомства, стр. 45—46.

стороны, Хомяковъ и И. В. Кирѣевскій, съ другой, еще находились въ разногласіи между собою, которое, между прочимъ, выражалось въ спорахъ по вопросамъ преимущественно философско-богословскимъ. Невѣроятно, чтобы Константинъ Аксаковъ, такъ много бесѣдовавши съ Гоголемъ, не поднималъ въ этой бесѣдѣ тѣхъ вопросовъ, которые по преимуществу его волновали. Вотъ почему съ увѣренностью можно утверждать, что Москва повліяла на Гоголя не только „русскою“, но и *религіозною* своею атмосферою. Потому-то и началось въ немъ съ этого времени „преобладаніе религіознаго направленія“, потому-то и „письмо это написано уже совсѣмъ въ другомъ тонѣ, чѣмъ всѣ предыдущія“, потому-то и „этотъ тонъ сохранился уже навсегда“, потому-то, наконецъ, русская, православная, Москва стала, по увѣренію самого Гоголя, для него *родиною*.

Разъ ступивъ на эту дорогу, Гоголь сталъ быстро двигаться въ принятомъ направленіи. Воодушевляемый религіозными чувствами и недовольный современнымъ состояніемъ общества, онъ всецѣло отдался мысли объ его исправленіи, видя въ этомъ свое призваніе. Выходя изъ того положенія, что каждый человѣкъ долженъ служить Богу тѣмъ даромъ, который получилъ отъ Него, на свое литературное дарованіе поэтъ сталъ смотрѣть какъ на средство для нравственнаго воспитанія людей. „Искусство, писалъ отъ Смирновой, есть дѣло великое. Знайте, что всѣ тѣ идеалы, которыхъ напичкали въ головы французскіе романы, *могутъ быть выгнаны другими идеалами, и образы ихъ можно произвести такъ живо, что они станутъ неотразимо въ мысляхъ и будутъ преслѣдовать человѣка въ такой степени, что львицы возжелаютъ попасть въ другія львицы*. Способность созданія есть способность великая, если только она оживотворена благословеніемъ высшимъ Бога. *Есть часть этой способности и у меня, и я знаю, что не спасусь, если не употреблю*

ее какъ слѣдуетъ, въ дѣло“ ¹⁾. Итакъ, воплотить христіанскіе идеалы въ живые образы, такъ чтобы они, неотразимо преслѣдуя человѣка, вели его къ исправленію и проникновенію этими идеалами, теперь сдѣлалось насущностью потребною его души; въ этомъ онъ увидѣлъ истинный смыслъ своего существованія. Воодушевляемый этою мыслию, онъ даетъ полную волю своей художественной фантазіи, которая, не смотря на видимый упадокъ силъ, стала работать съ небывалой энергіей. „Въ глубоко счастливѣ“, писалъ онъ изъ Рима С. Т. Аксакову въ мартъ 1841 года. „Не смотря на мое болѣзненное состояніе, которое опять немного увеличилось, я слышу и знаю дивныя минуты. Созданіе чудное творится и совершается въ души моей, и благодарными слезами не разъ теперь полны глаза мои. Здѣсь явно видна мнѣ святая воля Бога: подобное внушеніе не приходитъ отъ человѣка, никогда не выдумать ему такого сюжета. О, если бы три года съ такими свѣжими минутами! Столько жизни прошу, сколько нужно для окончанія труда моего, больше же часу мнѣ не нужно“ ²⁾. Вмѣстѣ съ этимъ, Гоголь, какъ бы отрѣшившись отъ самого себя, забываетъ о себѣ какъ о человѣкѣ и начинаетъ смотрѣть на себя исключительно какъ на дарованіе; какъ на талантъ, призванный совершить великое дѣло, а по этому требуетъ къ себѣ особеннаго, исключительнаго вниманія. Въ томъ же письмѣ къ Аксакову онъ пишетъ: теперь „мнѣ нужно спокойствіе и самое веселое, сколько можно, расположеніе души: меня теперь нужно беречь и лелѣять“. Собираясь въ Москву и прося заѣхать за нимъ К. Аксакова и М. С. Щепкина, онъ пишетъ: „Меня теперь нужно лелѣять не для меня, нѣтъ! Они сдѣлаютъ небезполезное дѣло. Они привезутъ съ собою глиняную вазу, конечно; эта ваза теперь вся въ трещинахъ, довольно стара и еле держится; но въ этой вазѣ теперь заключено сокровище; ста-

¹⁾ Письма, III, 368.

²⁾ Аксаковъ. Ист. знак., стр., 48.

ло быть ее нужно беречь". ¹⁾ Въ этомъ оригинальномъ отдѣленіи своего таланта отъ своего личнаго „я“, въ этомъ своеобразномъ разграниченіи въ себѣ начала альтруистическаго отъ начала эгоистическаго, слѣдуетъ искать ключа къ правильному пониманію всѣхъ тѣхъ требованій въ отношеніи къ себѣ, тѣхъ претензій и капризовъ, съ которыми встрѣчаемся въ Гоголѣ въ послѣдніе годы его жизни. Кто дѣлалъ добро Гоголю, тотъ по его убѣжденію служилъ тому же дѣлу, которому служилъ и Гоголь. Здѣсь конечно источникъ его своеобразнаго отношенія къ жертвамъ, которыя приносились друзьями въ его пользу.

Изъ сказаннаго ясно, что направленіе, которое такъ отчетливо обозначилось въ Гоголѣ въ началѣ 40-хъ годовъ, было плодомъ постепеннаго развитія того зерна, которое брошено было въ его душу, по его же собственнымъ словамъ, „еще въ юности“ ²⁾ и которое было результатомъ естественнаго роста его религиознаго сознанія, развивавшагося подъ воздѣйствіемъ указанныхъ факторовъ. Но самъ Гоголь не удовлетворялся такимъ простымъ объясненіемъ и старался приискать особое теоретическое основаніе для оправданія своего поведенія. Именно, онъ взглянулъ на свою дѣятельность какъ на долгъ, завѣщанный людямъ Самимъ І. Христомъ. Въ письмѣ къ сестрѣ Ольгѣ Васильевнѣ, характеризуя дѣятельность Спасителя, онъ пишетъ: „Какой родъ жизни избралъ Онъ въ образецъ людямъ; оставилъ ли Онъ всѣхъ и удалился въ пустыню? Нѣтъ, онъ проходилъ города и села, всюду искалъ людей, вездѣ произносилъ утѣшительное слово Свое, вездѣ цѣлилъ болящія души и помогалъ имъ спасаться, указывая всѣмъ путь и дорогу къ спасенью. Такъ и намъ слѣдуетъ поступать“. ³⁾ Оправдываясь отъ обвиненій, посыпавшихся на него со всѣхъ сторонъ по выходѣ въ свѣтъ

¹⁾ Аксаковъ, ист. знаком., стр. 45.

²⁾ Письма, III, 414.

³⁾ Ibid., 323.

переписки съ друзьями, Гоголь между прочимъ писалъ Смирновой: „Или я ничего не долженъ дѣлать на прославленіе имени Его (Божія), когда всякая тварь Его прославляетъ, когда и безслѣсныя слышать силу Его? Мнѣ ставятъ въ вину, что я заговорилъ о Богѣ, что я не имѣю права на это, будучи зараженъ и самолюбіемъ, и гордостью, доселѣ неслыханною. Чтò жъ дѣлать, если и при этихъ порокахъ все-таки говорится о Богѣ? Чтò жъ дѣлать, если наступаетъ такое время, что невольно говорится о Богѣ? Какъ молчать, когда и камни готовы завопить о Богѣ? Нѣтъ, умники не смутятъ меня тѣмъ, что я не достоинъ и не мое дѣло, и не имѣю права: *всякъ изъ насъ до единого имѣетъ это право, всѣ мы должны учить другъ друга какъ велитъ и Христосъ, и апостолы*“¹⁾.

Эту свою обязанность *учить и наставлять другъ друга*, Гоголь надѣялся осуществить въ томъ *чудномъ созданіи*, которое еще пока творилось въ его душѣ. Этимъ чуднымъ созданіемъ, въ которомъ долженъ былъ явиться міру уже не прежній Гоголь, а *настоящій*, обновленный, преображенный, былъ, конечно, *второй* томъ „Мертвыхъ Душъ“; отсюда всѣ эти высокія надежды и громкія обѣщанія, съ которыми встрѣчаемся въ его письмахъ къ друзьямъ. Охлаждая жаръ любопытства послѣднихъ, онъ проситъ ихъ имѣть хоть „каплю терпѣнія“, общая, что съ выходомъ въ свѣтъ второго тома „М. Д.“ „все объяснится“, что „тогда уяснятся глаза многимъ“.²⁾

Къ этой своей новой, насколько высокой, настолько же и трудной, задачѣ Гоголь готовился серьезно. Онъ съ большимъ чѣмъ прежде усердіемъ сталъ читать Священное Писаніе, отцовъ и учителей церкви и другія подходящія сочиненія, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ особымъ вниманіемъ занялся изученіемъ человѣческой души во всѣхъ ея проявленіяхъ. Тѣмъ не менѣе работа туго подвигалась

¹⁾ Письма, III, 438.

²⁾ Ibid., 142, 193; ср. 36—36, 80, 179, 219.

впередъ. Причина этого заключалась не въ одномъ упадкѣ физическихъ силъ и оскудѣніи литературнаго творчества. Значительная продуктивность, обнаруженная въ перепискѣ съ знакомыми и друзьями, показываетъ, что сила литературнаго творчества въ Гоголѣ въ это время еще не совсѣмъ оскудѣла. Тутъ была и другая причина, можетъ быть, поважнѣе первой. Легко было, подъ вліяніемъ сильнаго подъема религіознаго чувства, представить себѣ въ умѣ тотъ или другой нравственный идеаль; но не легко было пріискать соотвѣтствующіе художественные образы для его воплощенія; между тѣмъ въ этомъ именно и состояла задача второго тома „Мертвыхъ Душъ“, который долженъ былъ изгладить тяжелое впечатлѣніе, которое производилъ первый томъ своимъ наборомъ однихъ пошлыхъ типовъ. Въ силу этихъ обстоятельствъ выпускъ въ свѣтъ туго подвигавшагося впередъ второго тома поневолѣ затягивался; а между тѣмъ необходимость очищенія нравственно-затхлой общественной атмосферы казалась неотложною. И вотъ, Гоголь рѣшилъ помочь этому горю напечатаніемъ „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“. Вдумываясь въ тогдашнее душевное состояніе Гоголя и вчитываясь въ данныя имъ объясненія побужденій къ изданію этой книги, можно признать, кажется, что имъ руководило въ этомъ случаѣ двойное соображеніе. Во первыхъ, ему хотѣлось вывести общество изъ состоянія нравственной апатіи и указать ему нѣкоторыя высшія нормы жизни взамѣнъ „всѣхъ тѣхъ идеаловъ, которые, какъ выражается самъ Гоголь, напичкали въ головы французскіе романы“. Не надѣясь, конечно, переродить общество этою своею книгою, онъ хотѣлъ „только поселить посредствомъ ея въ головѣ идеаль возможности дѣлать добро, потому что есть много истинно доброжелательныхъ людей, которые устали отъ борьбы и омрачились мыслью, что ничего нельзя сдѣлать. Идею возможности, хотя и отдаленную, нужно носить въ головѣ, потому что съ ней, какъ съ свѣтильникомъ, все-таки отыщешь что-нибудь

дѣлать, а безъ нея вовсе останешься въ потьмахъ“¹⁾. Во вторыхъ, посредствомъ этой книги Гоголь хотѣлъ опредѣлить, какъ онъ выражается, „въ какомъ состояніи находятся головы и души“; онъ надѣялся „возбудить ея тѣ разговоры и толки въ обществѣ, въ слѣдствіе которыхъ непремѣнно должны были высказаться многія ему незнакомыя стороны современнаго русскаго человѣка“, которыя онъ хотѣлъ „взять къ соображенію, чтобы не попасть въ разные промахи при сочиненіи той книги, которая должна быть вся природа и правда“²⁾.

Надежды, возлагаемыя на *Переписку съ друзьями*, какъ извѣстно, не оправдались. Въ пріемѣ, оказанномъ книгѣ обществомъ, Гоголь увидѣлъ полное свое „пораженіе“, настоящую „оплеуху“. Краснѣя отъ стыда, онъ долженъ былъ сознаться, что далъ промахъ, допустилъ слишкомъ много субъективизма³⁾. Это смущеніе продолжалось однакоже недолго. Сначала сильно *утомленный* „отъ упрековъ слишкомъ тяжкихъ и жесткихъ отовсюду“, онъ скоро оправился отъ этого удара и сталъ настраивать себя на ту мысль: „что-же, упреки мнѣ нужны, упреками воспитывается моя душа, упреки составляютъ теперь мою книгу, которою питаюсь. Какъ ни несправедливы многіе изъ нихъ, но въ основаніи лежитъ всегда какая-нибудь правда, и это меня заставляетъ всякій разъ построже оглянуться на себя, и внутренній глазъ мой становится послѣ того свѣтлѣе, точно какъ будто-бы слетаетъ съ него какая-нибудь шелуха“⁴⁾. Словомъ, въ самыхъ недостаткахъ книги онъ сталъ открывать достоинства въ томъ смыслѣ, что эти недостатки открыли ему глаза для того, чтобы лучше приглядѣться къ самому себѣ, чтобы увидѣть тѣ стороны души, которыя до этого времени оставались не замѣченными. Хотя такимъ образомъ, книга нанесла ему „пораженіе“, но, думалъ онъ, „на

¹⁾ Письма, III, 367—368.

²⁾ Ibid., 367, 422; ср. 414 и др.

³⁾ Ibid., 453, 492, 460—461; IV, 65.

⁴⁾ Ibid., p. III 417.

это была воля Божія“; взглянувъ на фактъ подъ этимъ угломъ зрѣнія, онъ писалъ С. Т. Аксакову: „Ду будетъ же благословена но имя Того, Кто поразилъ меня! Безъ этого пораженія, я бы не очнулся и не увидѣлъ бы такъ ясно, чего мнѣ недостаетъ... Книга моя есть законный и правильный ходъ моего образованія внутренняго, нужнаго мнѣ для того, чтобы стать писателемъ, не мелкимъ и пустымъ, но почувствовавшимъ святость и своего званія, какъ и всѣхъ другихъ званій, которыя всѣ должны быть святы. Выразилось все это заносчиво, получило торжественный тонъ отъ мысли приближенія къ такой великой минутѣ, какова смерть. А дьяволъ, который надмеваетъ всякаго изъ насъ самоувѣренностью, раздулъ до чудовищности кое-какія мѣста. Невоздержаніе заставило меня издать мою книгу. Видя, что еще не скоро я совладаю съ моими „Мертвыми Душами“ и скорбя истинно о безхарактерности направленія и совершенной анархіи въ литературѣ, проводящей время въ пустыхъ спорахъ, я поспѣшилъ заговорить о тѣхъ вопросахъ, которые меня занимали и которые готовился *развить или создать въ живыхъ образахъ и лицахъ*. Опрометчивая, а по вашему *несчастная*, книга вышла въ свѣтъ. Она меня покрыла позоромъ, по словамъ вашимъ. Она мнѣ точно позоръ; но благодарю Бога за этотъ позоръ, благодарю за то, что попустилъ онъ явиться ей въ свѣтъ. Не увидалъ бы я безъ нея ни неряшества моего, ни самоослѣпленія, ни много того, чего не хочетъ видѣть въ себѣ человекъ; не изъяснилось бы безъ нея много того, что мнѣ необходимо нужно знать для моихъ „Мертвыхъ Душъ“¹⁾.

Но кромѣ открытія возможности внимательнѣе и глубже при-
смотреться къ самому себѣ, эта книга, увѣренъ Гоголь, нужна
была и для того, чтобы „основательно и радикально пощупать
общество“. Въ виду этого, на разные толки, вызванные въ об-
ществѣ книгой, онъ взглянулъ какъ на настоящій кладъ для себя.

¹⁾ Письма, IV, 65-66; ср. III. 426.

„Говорю тебѣ откровенно, писалъ онъ Плетневу, что я теперь ежеминутно благодарю Бога за то, что книга моя произвела именно эти толки, а не такіе, которые были бы въ мою пользу. Отъ этихъ толковъ я значительно поумнѣю... Безъ этихъ толковъ, передъ мною не раскрылось бы такъ общество и люди, которыхъ мнѣ нужно непременно знать. У меня долго еще будетъ все не въ попадѣ, и языкъ мой не будетъ доступенъ для всѣхъ, покуда не узнаю такъ людей, какъ мнѣ хочется узнать. Повѣрь, что безъ этой книги не было бы на чемъ испробовать современнаго чело-вѣка. А проба эта нужна, и въ этомъ отношеніи книга моя, не смотря на всѣ ея недостатки, сокровище“ ¹⁾. Гоголь былъ убѣжденъ, что въ сужденіи объ этой его книгѣ „непременно выскажется чело-вѣкъ со всѣми своими помысленіями, даже тѣми, которые онъ осторожно таитъ отъ всѣхъ, и вдругъ станетъ видно, на какой степени своего душевнаго состоянія онъ стоитъ“. Съ этою именно цѣлью онъ выпустилъ эту „заносчивую, задирающую книгу, которая заставила бы встрепенуться всѣхъ. Повѣрь, писалъ онъ Шевыреву, что русскаго чело-вѣка, покуда не разсердишь, не заставишь заговорить. Онъ все будетъ лежать на боку и требовать, чтобы авторъ попотчивалъ его чѣмъ-нибудь *примирающимъ съ жизнью* (какъ говорится). Бездѣлица! какъ будто можно *выдумать* это примиряющее съ жизнью“. Сообразно съ этимъ, Гоголь „жадно“ прислушивался ко всѣмъ толкамъ о его книгѣ въ обществѣ, прося друзей знакомить его съ ними. Онъ находилъ даже, что „хорошо бы прилагать при всякомъ мнѣніи *портретъ* того лица, которому мнѣніе принадлежить“, если лицо ему не знакомо, такъ какъ онъ находилъ, что ему, какъ писателю, „нужно основательно и радикально пощупать общество, а не взглянуть на него во время бала или гулянья“. ²⁾.

¹⁾ Письма, III, 433, ср; 446.

²⁾ Ibid., 446.

Итакъ, на *Переписку съ друзьями* Гоголь смотрѣлъ лишь какъ на подготовительную работу ко *второму* тому „Мертвыхъ Душъ“. На этотъ томъ онъ возлагалъ большія надежды; въ немъ онъ надѣялся показать обществу *нынѣшняго* себя. Опредѣляя этого „нынѣшняго“ себя, онъ выражался, что теперешнее его дѣло есть „душевное дѣло“, что уже его „душа слышитъ свѣтъ“ и что когда этотъ свѣтъ воплотится въ художественныхъ образахъ, то „свѣтло будетъ и во всѣхъ душахъ, омраченныхъ сомнѣніями и недоразумѣніями“, и „тогда уяснятся глаза многимъ“¹⁾. Но пока все это не совершилось, онъ просилъ одного-терпѣнія и довѣрія къ автору, который не въ силахъ предупредить то, что должно совершиться въ свое время.

Расточая обѣщанія, поддерживая надежду въ себѣ и другихъ, Гоголь писалъ о. Матвѣю за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти: „Видитъ Богъ, ничего бы не хотѣлось сказать, кромѣ того, что служить къ прославленію Его святого имени. Хотѣлось бы живо, въ живыхъ примѣрахъ, показать темной моей братіи, живущей въ мірѣ (и) играющей жизнью, какъ игрушкой, что жизнь не игрушка. И все кажется обдуманно и готово, но перо не подымается. Нужной свѣжести для работы нѣтъ, и (не скрою предъ вами) это бываетъ предметомъ *тайныхъ страданій, чѣмъ-то въ ходъ креста*“. Колеблясь между отчаяніемъ и надеждою, онъ ждалъ „какъ манны, орошающаго освѣженія свыше“²⁾. Но освѣженіе силъ не приходило; масло изсякало, свѣтильникъ тускнѣлъ, кругомъ темнѣло, крестъ становился невыносимо тяжелъ.

Облетѣли цвѣты, догорѣли огни, непроглядная ночь какъ могила темна... Среди этой темной, какъ сама могила, ночи было ясно одно, что второй томъ не можетъ быть оконченъ такъ, какъ хотѣлось; а написанное не соответствовало тому, что носилось въ сознании какъ

¹⁾ Письма III, 37, 80, 179, 193.

²⁾ Ibid., IV, 313.

мечта, какъ идеаль. И вотъ онъ написанное сжегъ и, видя, что для людей уже сдѣлать ничего не можетъ, сталъ думать о себѣ, о своемъ спасеніи, и, предавшись усиленному аскетизму, уморилъ себя голодомъ.

Если теперь однимъ взглядомъ окинуть всю сумму данныхъ, характеризующихъ религіозно-нравственное состояніе Гоголя въ послѣдніе годы его жизни, то внимательному наблюдателю сразу бросится въ глаза слѣдующее: въ Гоголѣ, какъ нравственной личности, въ это время идетъ ожесточенная борьба двухъ началъ—эгоистическаго и альтруистическаго съ ихъ разнообразными проявленіями. Первое начало живетъ въ немъ какъ естественное влеченіе природы, какъ стихійная сила, въ той или другой степени присущая всякому индивидууму; второе выступаетъ какъ сознательно поставленная норма, какъ высшій идеаль, покоящійся на религіозной основѣ. Борьба эта начинается очень рано, съ первымъ пробужденіемъ самосознанія, и сопровождается сильной работой самоанализа. Сущность ея состоитъ въ томъ, что альтруистическое начало, опираясь на христіанскую заповѣдь о любви и поощряемое ученіемъ Церкви о возмездіи въ загробной жизни, старается осилить своего противника, пытаясь по совершенству христіанскаго идеала перестроить внутреннее несовершенство естественнаго человѣка. Недостигаемая высота христіанскаго идеала, высокая добросовѣстность и пуританская строгость въ отношеніи къ предъявленнымъ къ себѣ требованіямъ, немощность человѣческой природы, прогрессивно усиливавшаяся слабость воли—все это дѣлаетъ поставленную Гоголемъ задачу трудно достижимою, что, при хилости организма, доставляетъ ему не мало глубокихъ физическихъ и нравственныхъ страданій. Изнемогая подъ тяжестью борьбы и теряя вѣру въ свои собственныя силы, какъ искренній христіанинъ всю свою надежду возлагаетъ на милость Божію и обращается съ горячими, обливаемыми слезами, мольбами къ Богу самъ и усиленно проситъ молиться о себѣ другихъ. Смирненно преклоняясь предъ волей Божіей, онъ не только безропотно пере

носили свои страданья, но и видѣлъ въ нихъ вѣрное средство для подавленія грѣховныхъ влеченій человѣческой природы. Утѣшеніе въ постигающихъ его скорбяхъ, тоскъ и страданій онъ находилъ въ идеѣ спасенія, которую понимаетъ въ смыслѣ уподобленія человѣка Богу, какъ существу нравственно совершенному, источнику любви и всякаго добра въ мірѣ. Какъ истинный христіанинъ и истинный художникъ, онъ понимаетъ не только пользу, но и красоту добра и, поставивъ служеніе послѣднему цѣлью своей жизни, напрягаетъ всѣ свои силы къ тому, чтобы доставить торжество ему не только въ себѣ самомъ, но и въ другихъ людяхъ. Воодушевляемый этою высокою задачею, онъ создаетъ грандіозный планъ литературнаго произведенія, въ которомъ, въ нивыхъ художественныхъ образахъ, какъ въ зеркалѣ, изображены были бы всѣ дурныя и хорошія стороны нравственной природы человѣка, при чемъ собирается придать этимъ образамъ такую силу, чтобы они произвели потрясающее дѣйствіе на душу человѣка, наглядно показавъ ему, что нельзя шутить съ серьезными вопросами жизни. Но чѣмъ грандіознѣе была задача, тѣмъ ничтожнѣе оказались наличныя силы и средства угасающей жизни великаго писателя. Гоголь въ послѣднія минуты жизни напоминаетъ собою надѣленный сознаніемъ потухающій вулканъ, который чувствуетъ потребность потрясти небо и землю своими громовыми ударами, но у котораго хватаетъ силъ только для одного жалкаго шипѣнія. Кто не почувствуетъ всю глубину вытекавшаго отсюда трагизма и кто не пойметъ естественность того выхода изъ такого состоянія, на который рѣшился этотъ великій мученикъ за идею!

Гоголь у насъ не одинъ. Въ нашемъ недалекомъ историческомъ прошломъ можно было бы указать не мало славныхъ дѣятелей, которые мучились муками Гоголя, которые страдали его страданіями. Но зачѣмъ намъ далеко ходить за примѣрами, когда на нашихъ глазахъ угасаетъ жизнь другого великаго писателя Русской земли, который не найдя, подобно Гоголю, въ жизни дан-

ныхъ для воплощенія въ живыхъ образахъ томящихъ его идеаловъ, бросилъ кисть художника съ тѣмъ, чтобы хоть въ сухихъ логическихъ схемахъ выразить свои завѣтныя думы. Гдѣ же причины этого явленія? Отвѣта на этотъ вопросъ слѣдуетъ искать въ печально сложившейся исторіи нашего многострадальнаго народа. Нужно сознаться, что историческая судьба нашего народа была для него скорѣе мачихой, чѣмъ матерью родною. Вынужденный съ самой колыбели своей больше страдать, чѣмъ наслаждаться, русскій человѣкъ привыкъ въ этомъ горестномъ положеніи своемъ искать утѣшеніе въ вѣрѣ въ другую, лучшую, жизнь, гдѣ нѣтъ ни насильниковъ, ни обидчиковъ, гдѣ живетъ одна правда, гдѣ царствуетъ одна любовь. Около этого основного пункта возникъ цѣлый циклъ мыслей и чувствъ, на основѣ которыхъ должно было развиваться свое особое просвѣщеніе съ своими особыми идеалами. Но исторія, давно привыкшая распоряжаться по своему, вдругъ круто измѣнила свой естественный ходъ и толкнула передовой классъ нашего общества на путь иного просвѣщенія, болѣе блестящаго, болѣе пышнаго, но построеннаго на новыхъ началахъ и поэтому менѣе гармонирующаго съ запросами народной души. Вотъ почему, когда нынѣшній русскій художникъ, окупившись въ струю народнаго духа, и заразившись его чувствами, его стремленіями начинаетъ строить на этихъ чувствахъ, на этихъ стремленіяхъ свой высшій идеалъ и пытается воплотить его въ живыхъ образахъ, то онъ встрѣчаетъ этому непреодолимое препятствіе, ибо дѣйствительная жизнь не можетъ дать ему необходимыхъ для его художественнаго творчества элементовъ. Онъ, положимъ, хотѣлъ бы изучать людей, поставившихъ началомъ своей жизни любовь, а въ жизни онъ наталкивается на лицъ, проповѣдующихъ законъ борьбы за существованіе; онъ хотѣлъ бы познакомиться съ истинными христіанами, рѣшающими вопросъ о смыслѣ жизни по Евангелію, а ему рекомендуютъ торгашей, утверждающихъ, что смыслъ жизни заключается въ акціяхъ, облигаціяхъ и желѣзно-дорожныхъ концессіяхъ, въ поискахъ за нуж-

ными людьми онъ хочетъ идти въ христіанскій храмъ, а его направляютъ въ банкирскія конторы или увеселительные дома, увѣряя, что тамъ находятся кумиры, которымъ кланяется современный человѣкъ и т. д. Чтожъ удивительнаго, если, потерявъ надежду найти въ жизни то, чего просить его душа, художникъ или налагаетъ на себя руки въ отчаяніи, или, объявивъ себя заклятымъ врагомъ всего современнаго жизненнаго строя съ его акціями, облигаціями и банкирскими конторами, выступаетъ проповѣдникомъ парадоксовъ, въ родѣ, напримѣръ, по своему понятію заповѣди о непротивленіи злу... И что же, далѣе, удивительнаго въ томъ, что общество, неспособное сознать всю виновность свою въ совершившемся фактѣ, клеймитъ лучшихъ сыновъ своего народа позорной кличкой *сумасшедшихъ*, не понимая того, что этимъ своимъ приговоромъ оно предъ судомъ исторіи готовитъ позоръ самому себѣ... Но когда же наступитъ конецъ всѣмъ этимъ печальнымъ недоразумѣніямъ?

В. Завитневичъ.